

А. Донгаров

**Рапалло — Великий перелом —
Пакт — Война:**

**СССР НА ПУТИ
В СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ТУПИК**

Дипломатические хроники и размышления

Москва
2020

ББК 63.3(0)6
УДК 94
Д67

- Д67**   **Донгаров А.**
Рапалло — Великий перелом — Пакт — Война: СССР на пути в стратегический тупик. А. Донгаров. — М., АО «Первая Образцовая типография», 2020. — 440 с.

В первой части книги рассматриваются идеологические и военно-политические причины, предопределившие германоцентричный характер советского курса на международной арене, венцом которого стал Договор о ненападении от 23 августа 1939 г. Вместе с тем показано, что при принятии этого на первый взгляд сугубо внешнеполитического решения прежде всего учитывались его последствия для внутриполитического положения в предвоенном СССР.

Вторая часть книги посвящена вопросам отношений Советского Союза с англо-французской коалицией и Германией, а также со странами Балтийского региона и Юго-Восточной Европы в духе и логике «пакта Молотова — Риббентропа».

Книга рассчитана как на широкого читателя, интересующегося данной проблематикой, так и на специалистов-международников.

ISBN 978-5-7164-1044-2

© А. Донгаров, 2020

Оглавление

К читателю.....	5
Предисловие. «Наш ответ» фальсификаторам истории....	6

ЧАСТЬ I. От Рапалло до пакта

Глава 1.	
«Дух Рапалло», или запланированный экспромт	10
А был ли экспромт?.....	10
Запрограммированный провал.....	37
Глава 2.	
Договор	56
Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом	56
«Решающая игра».....	68
Мнимое величие.....	70
«Слагаемые Победы»?.....	73
Глава 3.	
Народ, армия, пакт	84
Враг в тылу!.....	84
Крестьянская Вандея и военно-политическое планирование.....	91
Война и армия.....	97

ЧАСТЬ II. ОТ ПАКТА К ВОЙНЕ

Глава 4.	
Прибалтика	108
От Мюнхена до пакта.....	108
Прибалтийская реакция на советско-германское сближение и начало мировой войны.....	113
Заключение договоров о взаимопомощи	114
Отношения СССР с государствами Балтии (октябрь 1939 г. — май 1940 г.)	125
Политика невмешательства	125
Военные вопросы.....	130
Торгово-экономическое сотрудничество.....	135
Кризис (25 мая — 16 июня 1940 г.)	138

Советские и социалистические (17 июня — 6 августа 1940 г.)	148
Глава 5.	
Финляндия	159
В обстановке взаимной подозрительности	159
Ключи от Северной столицы	165
История переговоров	168
«Териокское правительство» О. Куусинена	188
Дипломатия военного времени и мирный договор ..	195
«Хуже, чем преступление»	206
Глава 6.	
Балканы	231
Балканский пазл	232
Турция	237
Болгария	252
Румыния	263
Венгрия	282
Югославия	288
Балканские итоги	298
Глава 7.	
На пути к 22 июня	308
От пакта до Дюнкерка	308
После Дюнкерка	320
Между Берлином и Лондоном	329
«Визит Молотова в Берлин не стоял под счастливой звездой»	338
«Пакт четырех»	351
Между Берлином и Лондоном (окончание)	362
Три упущенных шанса Сталина	373
Генуя: на развилке (вместо заключения)	383
Краткий биографический справочник	402
Список литературы	431

К читателю

История заключения Договора о ненападении с Германией и полутора лет его существования давно стала ареной идеологических боев без правил. Манипулирование относящимися к делу историческими фактами, передергивание причинно-следственных связей и искаженное масштабирование событий способны запутать кого хочешь. Вдобавок, роящиеся вокруг темы дилетанты и пропагандистские мухи засидели картину событий и смыслов уже до такой степени, что она практически неразличима.

Трудно назвать вполне удовлетворительными и многие честные попытки разобраться в вопросе. Проблема видится в неготовности их авторов выйти за давно очерченный круг многожды использованных исторических фактов и аргументов; но главный недостаток, на наш взгляд, состоит в неумении поместить исследуемый вопрос в общеисторический контекст, учитывающий все обстоятельства тогдашнего существования СССР — международные, внутривластные, экономические, военные и идеологические — в их многосторонних взаимосвязях. А бывает и так, что в сторону от истины уводит избранный авторами маршрут, отмеченный вехами давно опровергнутых жизнью главных мифологем советской историографии вроде классового характера межгосударственных отношений и т.п., которые за своей древностью продолжают восприниматься многими как аксиома.

Наконец, о внешней политике пишут люди, которые не являются в этой области специалистами, а потому покорно повторяют вслед за своими историческими героями и друг за другом заезженные суждения, скользкие по поверхности событий и не раскрывающие их истинный смысл и значение.

Если же, дорогой читатель, Вы все же взяли в руки и открыли очередную книгу на эту тему, то Вы — неисправимый оптимист! Да воздастся Вам по Вашей вере!

* * *

Автор выражает глубокую благодарность:

Александру Сергеевичу Ципко за проявленную им в отношении автора цеховую солидарность и ценные замечания;

Ури Миллеру за проделанную им большую редакторскую работу в плане фактологии и русского языка;

Ирине Александровне Митрошиной за моральную поддержку и серьезную техническую помощь;

Владимиру Борисовичу Паничу и *Елене Герасимовне Донгаровой*, без содействия которых эта книга могла и не состояться.

Предисловие. «Наш ответ» фальсификаторам истории

В сборнике мифов и легенд, оставленных по себе советской властью, совершенно особое место занимает история заключения 23 августа 1939 г. Договора о ненападении с фашистской Германией («пакта Молотова — Риббентропа»).

По версии хранителей советских исторических мифологем, оно стало полнейшим экспромтом, результатом дипломатического сальто-мортале, трудным с моральной точки зрения, но не имеющим альтернативы, а потому единственно верным, спасительным для страны решением.

В подтверждение этой версии предшествовавшие подписанию пакта события выстраиваются ими в следующую цепочку. После прихода к власти в Германии Гитлера с его идеями реванша на Западе и завоевания «жизненного пространства» на Востоке правительство СССР, стремясь к сохранению общеевропейского мира, взяло курс на создание системы коллективной безопасности. В рамках этой внешнеполитической программы весной 1935 г. был заключен советско-французский договор о взаимопомощи. Он, однако, остался политическим жестом, поскольку взятые сторонами друг перед другом военные обязательства не были никак конкретизированы. Вскоре в Париже и Лондоне вообще сочли более уместной политику умиротворения Германии за счет согласия на ее притязания к соседям сначала в центре, а затем и на востоке Европы. В результате этого курса, апофеозом которого стала дипломатическая капитуляция Франции и Великобритании перед Гитлером на Мюнхенской конференции в сентябре 1938 г., к Рейху были присоединены Австрия и Судетская область Чехословакии.

Оказалось, однако, что эти уступки не могли удовлетворить германские аппетиты. Весной 1939 г. Гитлер захватил всю Чехию, из Словакии сделал протекторат и отторгнул от Литвы г. Мемель с областью (ныне г. Клайпеда и Клайпедский край). Следующей в очереди жертв германского экспансионизма стояла Польша — главный союзник Франции и Великобритании в Восточной Европе, замыкающий построенную ими систему кругового сдерживания Германии.

Вызывающий характер действий Берлина продемонстрировал крах «политики умиротворения» и необходимость возврата к идее коллективной безопасности. По дипломатическим кана-

лам Лондон и Париж сигнализировали в Москву о готовности начать трехсторонние военно-политические переговоры. 17 апреля 1939 г. правительство СССР выступило с ответным предложением заключить тройственный договор о военной взаимопомощи и совместном гарантировании безопасности ближайших западных соседей Советского Союза: Румынии, Польши, трех прибалтийских государств и Финляндии.

После начала англо-франко-советских переговоров выяснилось, однако, что в Париже и особенно Лондоне видели в них скорее средство давления на Германию в надежде сдержать ее агрессивные намерения на западе континента одними разговорами о возможности коалиции с СССР, не идя на ее фактическое создание. Со своей стороны, уверяют нас, советское правительство искренно стремилось к достижению тройственного соглашения, и только выявившаяся к середине августа 1939 г. полная бесперспективность дальнейших переговоров с англо-французской дипломатией заставила его принять германское предложение о заключении Договора о ненападении.

Официальная советская позиция по истории данного вопроса была изложена в 1948 г. в подготовленной на самом верху знаменитой исторической справке «Фальсификаторы истории». Справка стала «нашим ответом» на публикацию на Западе трофейных документов МИД Германии о советско-германском сотрудничестве в 1939—1941 гг., в том числе секретных протоколов к Договору августа 1939 г., существование которых СССР категорически отрицал. В ней, в частности, говорилось: *«Было бы грубой клеветой утверждать, что заключение пакта с гитлеровцами входило в план внешней политики СССР. Наоборот, СССР все время стремился к тому, чтобы иметь соглашение с западными неагрессивными государствами против немецко-итальянских агрессоров в целях осуществления коллективной безопасности на началах равенства. [...] Если СССР добивался соглашения о борьбе с агрессией, то Англия и Франция систематически отвергали его, предпочитая вести политику изоляции СССР, политику уступок агрессорам, политику направления агрессии на Восток, против СССР. [...] Понятно, что при таком положении дел в Европе Советскому Союзу оставался один выход: принять предложение немцев о пакте. Это был все же лучший выход из всех возможных выходов»* [1, с. 53—54].

Как уверяла официальная историография, этот выход был лучшим потому, что благодаря подписанному с Берлином соглашению удалось отсрочить фашистское нашествие на СССР на полтора года, которые были использованы для подготовки советских вооруженных сил к отражению агрессии. Указывалось и на увеличение глубины стратегической обороны на 150—250 км в результате воссоединения с СССР захваченных ранее Польшей западно-белорусских и западно-украинских земель, возвращения Бессарабии, аннексированной Румынией в годы гражданской войны, а также присоединения к Советскому Союзу (румынской) Северной Буковины. И, конечно, на добровольное вхождение в СССР трех прибалтийских государств, позволившее создать в этом регионе новый рубеж обороны.

Спустя 80 лет аргументация остается примерно той же; правда, пришлось сдать важную позицию: признать существование знаменитых секретных протоколов о разделе сфер влияния в Восточной Европе, являвшихся частью Договора о ненападении и подписанного через месяц в его развитие Договора о дружбе и границе. В свою очередь, это признание поставило под сомнение добровольный характер вхождения Прибалтики в состав СССР, а также подняло вопрос о морально-этической стороне акции по присоединению к Советскому Союзу восточных польских (западно-украинских и западно-белорусских) территорий **в том виде и в том международном контексте, в которых она была осуществлена.**

Хотя на протяжении пятидесяти лет в СССР отрицалась прямая связь между названными территориально-политическими изменениями и договорами с фашистской Германией, абсолютным большинством наших соотечественников она все же смутно угадывалась. Запоздалое признание факта существования секретных протоколов несколько не скомпрометировало в глазах этого большинства советско-германские договоренности 1939 г., но, напротив, придало им дополнительную *политическую* легитимность. «Конечно, — с легким сердцем признает это большинство, — секретный сговор за счет соседей есть вещь некрасивая; однако отодвинутые на запад границы вкупе с отсрочкой нападения стали слагаемыми нашей Победы. Следовательно, со всемирно-исторической точки зрения все было сделано абсолютно правильно!»

Существует, однако, и иной взгляд на описываемые события.

ЧАСТЬ I. ОТ РАПАЛЛО ДО ПАКТА

Глава 1. «Дух Рапалло», или запланированный экспромт

А был ли экспромт?

Если заключение пакта и выглядело как кульбит, то исключительно на фоне продолжавшихся с середины июня 1939 г. трехсторонних англо-франко-советских переговоров. Однако в более глубокой ретроспективе кульбитом были сами эти переговоры. Соглашение же с Берлином стало возвращением в главную, хорошо наезженную за двадцать предыдущих лет политическую колею, известную под названием «использование межимпериалистических противоречий в интересах советской власти». Колея берет начало еще до появления этой власти на свет, в далеком 1905 году, когда партия большевиков вошла в контакт с представителями воевавшей тогда с Россией Японии на предмет получения помощи деньгами и оружием для борьбы против общего врага — царизма. Следующим примером этого рода стала знаменитая сделка Ленина с кайзеровской Германией в годы Первой мировой войны.

После захвата большевиками власти в октябре 1917 г. стратегия использования «межимпериалистических противоречий» из партийной становится партийно-государственной. Именно она легла в основу знаменитого Декрета о мире — практически говоря, о сепаратном выходе страны из продолжавшейся мировой войны. Провозглашенный декретом нейтралитет «новой» России послужил фундаментом виртуозной политики лавирования между Антантой и германским блоком с целью не быть раздавленными этими жерновами. Задачу уцелеть Ленин решал так: удерживал Германию от оказания чрезмерного давления на его правительство угрозой возобновить военный союз с Антантой, а попыткам последней вернуть Россию в войну с Германией противопоставлял угрозу полномасштабного союза с Берлином. Таким образом, главным ленинским приемом стал отказ от формального заклю-

чения союзнических соглашений с державами первого ранга ради сохранения возможности использовать противоречия между ними в свою пользу — и он сработал. Ввиду своей успешности этот прием был возведен советским руководством в ранг основной стратегии его международной деятельности на годы вперед, тем более что она строилась на идейном фундаменте непоколебимого убеждения первого поколения большевиков в классовом характере отношений советской России с окружающим капиталистическим миром, исключавшим возможность длительных союзов.

Вместе с тем объективно у формального советского нейтралитета 1917—1918 гг. был сильный прогерманский уклон: «срединный» курс Петрограда — Москвы приносил дивиденды Берлину, поскольку Россия вышла из числа его противников, а на долю Парижа и Лондона по той же самой причине приходились исключительно издержки. Благодаря прекращению боевых действий на Восточном фронте в результате подписания в марте 1918 г. Брестского мирного договора между Советской Россией и Германией, последняя смогла перебросить более миллиона солдат на Западный фронт. В результате чаша весов в продолжавшейся мировой войне начала склоняться в ее пользу, и если бы не подоспели американские войска численностью 2 млн человек, в европейской истории могла наступить эпоха *pax germanica*¹. Кроме того, репарационные платежи золотом и хлебом, которые по условиям Брестского договора Россия производила в пользу Германии, были важным фактором поддержания крепости ее тыла.

В ответ последовала интервенция сил Антанты с целью восстановления Восточного фронта усилиями *несоветских правительств*, действовавших на территории бывшей Российской империи, а также для ограничения возможностей Германии пользоваться российскими ресурсами. Политика «использования межимпериалистических противоречий» переместилась на национальную почву и была помещена в дипломатический формат, где приняла форму тайных советско-германских договоренностей о т.н. «параллельных

¹ Эпоха германской гегемонии (лат). Есть все основания полагать, что в этом случае Россия, пребывавшая в процессе распада государственности, имела все шансы стать фактически германской колонией.

действиях» против англо-французских экспедиционных сил и союзного им Белого движения.

В 1920—1921 гг. в Кремле принимается решение об уже стратегическом партнерстве с Берлином — до следующей мировой войны. Курс на советско-германскую солидарность в борьбе с версальскими триумфаторами² был окончательно оформлен соглашением, подписанным сторонами 16 апреля 1922 г. в итальянском городке Рапалло, где остановились делегации обеих стран, прибывшие для участия в работах Генуэзской экономической конференции по послевоенному восстановлению мирового хозяйства.

Приводить текст рапалльского соглашения не имеет смысла, поскольку его политическая бесцветность способна ввести в заблуждение относительно исторической значимости этой договоренности. Из пяти сущностных статей в двух говорилось о взаимном отказе от претензий на возмещение убытков и расходов, возникших в связи с мировой войной и последующими военными действиями, а также вследствие встречной национализации и конфискации собственности граждан одной страны в силу постановлений правительства другой. Важные для своего времени, эти статьи не были обращены в будущее. Еще в двух статьях провозглашалась готовность развивать хозяйственные отношения и строить их на принципе наибольшего благоприятствования — типичные положения любого соглашения о торговле. Единственная глубоко политическая статья предусматривала возобновление дипломатических отношений после непродолжительного периода разрыва (т.е. никакого прецедента признания большевистской власти договор не создавал) [73, с. 223—226]. Подобных соглашений советская Россия заключит десятки. Такова была «буква» рапалльского документа, и не удивительно, что история международных отношений ее забыла.

Иное дело — «дух Рапалло». Этот «дух» витал над Европой без малого двадцать лет, приводя в движение армии, стирая с политической карты континента страны, передви-

---

² Неудачный ход военных действий и разразившаяся следом в Германии революция вынудила ее власти в ноябре 1918 г. признать поражение и поставить подпись под Версальским (Парижским) мирным договором, положившим конец Великой войне.

гая государственные границы... Он возник в результате реакции синтеза двух разрушительных энергий — германского реваншизма и советского агрессивного мессианства. Их смычка создавала в Европе совершенно новую геополитическую реальность. Союз *дореволюционной* России с Антантой имел целью сохранение существовавшего миропорядка путем пресечения германских попыток взорвать его ради передела в свою пользу. *Советская* же Россия предлагала Берлину полную поддержку в достижении этой цели, потому что сама стремилась к переделу мира, только под лозунгом мировой пролетарской революции, постепенно трансформировавшимся в суперидею строительства всемирной красной империи.

Надо, однако, иметь в виду, что для обитателей Кремля, начиная с Ленина, разжигание революционных войн и насаждение социализма в Европе довольно быстро из миссионерского подвига превратилось в средство борьбы за собственное сохранение у власти в политически неуютной для них крестьянской России. Приобретение классового союзника в лице победившего пролетариата мощных и богатых европейских государств рассматривалось в Москве как гарантия незыблемости режима. Таким образом, это была двуединая цель. В зависимости от международной обстановки и внутреннего положения в самой стране на первый план попеременно выходили задачи подталкивания европейской (и не только) революции или обеспечения внешнего спокойствия как условия внутреннего развития. Дихотомический подход в духе «мировая революция или строительство социализма в отдельно взятой стране» в данном случае неуместен, поскольку одна из этих целей была, одновременно, средством достижения другой, и наоборот. Все решала политическая конъюнктура.

Для советской России, нацеленной на разрушение существующего миропорядка, стоявшие у нее на пути Великобритании и Франция — эти столпы — гаранты Версальского мира и метрополии колониальных систем, охватывавших две трети земного шара, стали смертельными врагами. Но силы были слишком не равны, и чтобы успешно бороться с ними, Москва нуждалась в сильном союзнике, которым могла стать

только Германия. Однако после поражения в войне эта страна лежала в экономических и политических руинах. Поэтому содействие ее возрождению становится одной из важнейших задач советской внешней политики 20-х годов. Понимали ли в Москве, что в случае успеха замысла сразу обоим «братьям по Рапалло» в Европе, особенно Восточной, станет тесно, и выяснения отношений по межгосударственной или социально-политической линиям не избежать? Трагедия 22 июня была в самом общем плане предначертана.

Ввиду революционно-реваншистского характера задач создаваемого альянса его основой стало военное сотрудничество между двумя странами. В феврале 1921 г. состоялось подписание секретного соглашения о восстановлении немецкой военной промышленности на территории СССР, в развитие которого 11 августа 1922 г. заключается Временное соглашение о сотрудничестве между Красной армией и Рейхсвером. В результате Германия получила возможность (в обход ограничений, наложенных на нее Парижским мирным договором) производить на принадлежавших ей концессионных предприятиях в СССР, а также приобретать у него самого авиабомбы, самолеты, химическое оружие, танки и т.д. В учебных заведениях Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) и собственных военных училищах в Липецке, Казани и Вольске Рейхсвер готовил высшие командные кадры армии, танковые экипажи, летчиков ВВС и специалистов по ведению химической войны. В 1926 г. в рамках этого сотрудничества осваивалась треть годового военного бюджета Германии, порядка 150 млн золотых марок. Оказанная СССР помощь существенно двинула вперед дело возрождения немецкой армии.

В действительности значение этой кооперации выходило далеко за рамки чисто военной сферы. Уместна аналогия послевоенной Германии со старой Пруссией, о которой было сказано, что она — это армия, имеющая собственное государство. Не меньшим было значение Рейхсвера для германской государственности 1920-х гг.; поэтому на его сотрудничестве с РККА, по словам германского посла в Москве Г. фон Дирксена, стояло все политическое здание русско-германских отношений, а генерал фон Сект и Рейхсвер вообще

«были самыми стойкими и надежными приверженцами дружбы с Россией» [4, с. 74, 122]. Свое политическое кредо генерал выразил в следующих словах: «Разрыв версальского диктата может быть достигнут только тесным контактом с сильной Россией. Нравится нам коммунистическая Россия или нет — не играет никакой роли. Что нам нужно — это сильная Россия с широкими границами на нашей стороне. Итак, никаких Польши и Литвы между нами...» [цит. по: 62, с. 8].

Подкармливая зализывавшего раны германского тигра, за собственную безопасность в Кремле не опасались. Там полагали, что единственный путь, на котором Германия могла решить задачу возвращения в клуб великих держав, лежал на запад, через борьбу за освобождение от оков Версаля и новый колониальный передел. Москва считала, кроме того, что обладает таким безотказным инструментом умиротворения Берлина, как совместная борьба с польским государством вплоть до его нового раздела. Рецепт преодоления возможных в будущем противоречий между СССР и Германией за счет дележа Польши предлагался, к примеру, в обзорном письме о европейской политике за 1924 г., направленном тогдашним наркомом по иностранным делам Г.В. Чичериным членам Политбюро ЦК РКП(б). Двоим из этих адресатов наркома, И.В. Сталину и В.М. Молотову, предстояло принять подобное решение в августе 1939 г.³

Расчет Кремля, как указывалось выше, строился на предположении о неизбежности войны реванша Германии с западной коалицией. Однако под давлением политико-экономических реалий Берлин со временем все больше склонялся к достижению своих целей путем нахождения компромисса со вчерашними врагами. Поэтому, когда в феврале 1925 г. Москва предложила Германии заключить военный союз против Польши, что было равносильно созданию советско-германского альянса против союзных Варшаве Великобритании и Франции, из Берлина последовал отказ.

---

³ Этот рецепт был известен и Гитлеру. «В любой момент я могу найти общий язык с Советской Россией, — заверил фюрер одного из своих ближайших соратников весной 1934 г. — Я могу разделить Польшу в любое удобное для меня время и любым способом» [3, с. 99].

В Лондоне и Вашингтоне также стала побеждать точка зрения, которую им удалось навязать Парижу, что Германия понесла достаточное наказание за развязывание войны и что пора разрешить этому блудному сыну, вернее блудной дочери, вернуться в семью цивилизованных европейских народов. В 1924 г. был принят «План Дауэса» о содействии возрождению германского народного хозяйства, а на следующий год на конференции в швейцарском Локарно произошла, по существу, международно-политическая амнистия Германии в обмен на признание ею неизбежности установленных Версалем ее западных границ. Эти события позволили Берлину сбалансировать внешнюю политику и уйти от односторонней ориентации на СССР. В качестве компенсации за платоническую измену Германия заплатила Москве «омоложением», по выражению фон Дирксена, рапалльско-го соглашения путем заключения в 1926 г. Берлинского договора о нейтралитете.

Договор о нейтралитете

«24 апреля 1926 г.»

Правительство Союза Советских Социалистических Республик и Германское правительство [...] пришли к соглашению о нижеследующих постановлениях.

Статья 1.

Основой взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Германией остается рапалльский договор. Правительство Союза Советских Социалистических Республик и Германское Правительство будут и впредь поддерживать дружественный контакт с целью достижения согласования всех вопросов политического и экономического свойства, касающихся совместно обеих стран.

Статья 2.

В случае если одна из договаривающихся сторон, несмотря на миролюбивый образ действий, подвергнется нападению третьей державы или группы третьих держав, другая до-

говаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта.

Статья 3.

Если в связи с конфликтом упоминаемого в статье 2 характера, или же когда ни одна из договаривающихся сторон не будет замешана в вооруженных столкновениях, будет образована между третьими державами коалиция с целью подввергнуть экономическому или финансовому бойкоту одну из договаривающихся сторон, другая договаривающаяся сторона к такой коалиции примыкать не будет.

Статья 4.

Настоящий договор подлежит ратификации, и обмен ратификационными грамотами будет совершен в Берлине.

Договор вступает в силу с момента обмена ратификационными грамотами и действителен в течение пяти лет.

Заблаговременно до истечения этого срока обе договаривающиеся стороны согласуют между собой дальнейшие формы своих политических взаимоотношений» [33, с. 250—252].

С формально-правовой точки зрения договор был, разумеется, двусторонним. Однако с учетом реалий 1926 г. *в политическом смысле* он представлял собой одностороннюю гарантию Германии неучастия в возможных враждебных Советскому Союзу комбинациях ее новых партнеров по Локарно. Одностороннюю, потому что никакие международные комбинации с участием СССР против Германии в 1926 г. и в течение последующих пяти лет действия договора не просматривались.

Если рапальское соглашение заключалось в ожидании революционного прилива, то Берлинский договор подписывался в обстановке отлива сил европейской революции. Во внешнеполитических расчетах Кремля, однако, Германия, все равно какая — революционная или империалистическая, сохраняла роль форпоста, за которым советский режим надеялся пересидеть, если Европу сильно заштормит. Менялись

только средства достижения цели⁴. Теперь ставка делалась не на революционизирующую роль Германии в разжигании панъевропейской социальной войны, победа в которой пролетариата решит раз и навсегда проблему внешней безопасности СССР, а на отвлечение сил англо-французской коалиции и ее восточноевропейских союзников с московского направления на берлинское ввиду постепенного восстановления могущества их недавнего врага. Иными словами, на знаменитые «межимпериалистические противоречия».

Значение германского политического и военного фактора в деле обеспечения внешней безопасности «советской власти» не может быть правильно оценено, если упустить из вида, что на протяжении 1920-х и первой половины 1930-х гг. у этой власти, по существу, **не было боеспособной армии**. Вооруженная трехлинейками, неграмотная, недисциплинированная и относительно немногочисленная толпа с неуютной для властей политической ориентацией под названием «Рабоче-крестьянская Красная армия», не могла быть эффективным инструментом европейской политики Кремля⁵. И хотя никто не собирался нападать на СССР, коммунистическим доктринарам, застрявшим в окопах гражданской войны и интервенции, угроза империалистического «крестового похода» мерещилась повсюду. Насколько незащищенными они чувствовали себя можно судить по тому факту, что в опасных противниках числили Румынию, Польшу, Финляндию. Судя по документам, в 1925 г. Наркомат обороны был не уверен даже в том, что СССР сумеет выстоять в оборонительной войне с прибалтийскими государствами [59]. В этих условиях квази-союзная Германия, восточный фланг которой выходил в тыл

⁴ На фундаментальный, независящий от привходящих обстоятельств характер рапальского союза указывает такой факт: через год после подписания этого соглашения Москва активно вмешивается в ход германской революции, ориентируя коммунистов на вооруженный захват власти и снабжая их оружием, деньгами и подрывной литературой, а также направив им в помощь организаторов политической и боевой деятельности. После поражения революции советско-германские отношения возвращаются в привычную рапальскую колею, не претерпев особого, как можно было бы ожидать, урона.

⁵ Этой теме посвящена гл. 3.

лимитрофных государств⁶, а западный оттягивал на себя военные, финансовые и политические ресурсы англо-французской коалиции, была едва ли не главной надеждой Москвы на безопасное существование.

Вот почему «предательство в Локарно» рапалльского *брундершафта* вызвало бешеную ярость Кремля. А поскольку все правительства Германии во второй половине 1920-х гг. либо были сформированы социал-демократической партией самой или с ее участием, либо пользовались ее поддержкой в вопросах внешней политики, то гнев Кремля обрушился именно на нее. Еще одним «грехом» социал-демократов была их борьба за «республиканизацию» Рейхсвера, т.е. за его реальное, а не формальное подчинение политическому руководству страны. Это, опасались в Москве, разрушит рапалльский фундамент, поскольку именно сотрудничество армий было его цементирующим элементом. Сказалась, конечно, и внутривидовая борьба на левом фланге.

Тотальное столкновение Кремля с германской социал-демократией спровоцировала серия статей о тайном сотрудничестве Рейхсвера с Москвой, опубликованных 4–7 декабря 1926 г. центральным печатным органом СДПГ газетой «Форвертс». Имея в виду подавление армией восстаний германского пролетариата, газета бросила Кремлю тяжелейшее обвинение в том, что он «подстрекает немецких рабочих на выступление против пулеметов, начиненных русскими боеприпасами». В ответ «Правда» обозвала германских социал-демократов «социал-Иудами» и «лизоблюдями английского империализма» [«Правда». — 1926. — 5 января]. Последней каплей, переполнившей чашу московского терпения, стало инициированное фракцией СДПГ в конце декабря 1926 г. парламентское расследование Рейхстагом деятельности Рейхсвера в СССР. Публичное раскрытие тайн советско-германского военного сотрудничества, осуществлявшегося в нарушение международных соглашений об ограничениях на вооружение Германии, гро-

---

⁶ Так называли пограничные Советскому Союзу государства, возникшие, по большей части, на территории бывшей Российской империи после ее распада в 1917 г. Обычно к ним относили Латвию, Литву и Эстонию, часто Польшу, реже Финляндию и еще реже Румынию.

зило уже конфликтом Москвы с Лондоном и Парижем и вынудило СССР в авральном порядке отказаться от всех нелегальных форм этого сотрудничества, которые, конечно, были его сутью.

В отместку под давлением Сталина Коминтерн объявил европейскую, прежде всего, германскую социал-демократию главным врагом мирового пролетариата и его классовой родины — СССР. Война против нее продолжалась в течение многих лет и начала стихать только ближе к середине 30-х годов. Например, выступая по этому вопросу на 16 съезде ВКП(б), Молотов назвал усиление борьбы с социал-демократией «главной задачей компартий в теперешних условиях» и призвал «к усиленной борьбе против социал-фашизма по всей линии». [48, с. 419—420, 427].

Союзницами Кремля в начатой им войне против социал-демократической Германии стали две другие — коммунистическая, готовая выполнить любой приказ Москвы, и национал-социалистическая, возведшая войну реванша против англо-французской коалиции в ранг главной национальной задачи. (Оговоримся: в области внешней политики. Между тем российский философ А.С. Ципко совершенно прав, обращая наше внимание на то, что первопричиной фашизации ряда стран послевоенной Европы была их реакция «на существование ленинского Коминтерна». Конкретно же для германского национал-социализма внутривнутриполитическая задача борьбы с коммунизмом была равновелика внешнеполитической задаче борьбы против Версаля.) Помимо прочего учитывалось, что именно эти две партии могли усилить свои электоральные позиции за счет пролетарского и мелкобуржуазного избирателя СДПГ.

Чтобы оттеснить от власти социал-демократических и прочих пацифистов и поставить на их место сторонников реванша, Москва заставила немецких коммунистов на протяжении пяти лет фактически блокироваться с национал-социалистами при решении важнейших внешне- и внутривнутриполитических вопросов жизни страны. Операция удалась, и в 1933 г. во главе германского правительства, а вскоре и страны, встал

А. Гитлер⁷. Историк Р. Медведев справедливо назвал раскольническую линию сталинской верхушки в международном рабочем движении «главным «подарком» для германского национал-социализма» [107, с. 141].

Москва поспешила заверить новые власти в Берлине в том, что, несмотря на антифашистскую риторику советской пропаганды, здесь не драматизируют произошедшие в Германии перемены. О стремлении СССР иметь с новой Германией хорошие отношения в беседах с немецкими представителями высказывались председатель ВЦИК М.И. Калинин, нарком обороны К.Е. Ворошилов, нарком иностранных дел М.М. Литвинов, заместитель наркома обороны маршал М.Н. Тухачевский и др. [см.: 5, с. 24–25]. Летом 1933 г. в неформальной беседе с послом Германии в СССР Гербертом фон Дирксеном секретарь ВЦИК СССР А.С. Енукидзе передал ему мнение Сталина, что «национал-социалистическая перестройка германского государства может иметь положительные последствия для германо-советских отношений» [121, с. 95].

В национал-социалистическом Берлине также прекрасно сознавали непреходящее значение рапальской политики координации внешнеполитических усилий с СССР в борьбе против Версаля. Принимая 28 апреля полпреда Л.М. Хинчука, Гитлер заявил, что «оба наши государства должны как бы признать непоколебимость факта взаимного существования» и что «независимо от разности мировоззрения обеих стран их связывают взаимные интересы, и эти связи носят длительный характер» [5, с. 25]. «Что до меня, — говорил фюрер еще весной 1934 г., — то я не стану уклоняться от союза с Россией. Этот союз — главный козырь, который я приберегу до конца игры. Возможно, это будет самая решающая игра в моей жизни. Но нельзя начинать ее преждевременно...» [цит. по: 3, с. 109].

---

⁷ При этом на сентябрьских парламентских выборах 1932 г., даже после пяти лет войны на взаимное уничтожение, СДПГ и КПГ совокупно набрали голосов больше гитлеровской НСДАП. Как только цель привода Гитлера к власти была достигнута, компартиям разрешили вернуться к сотрудничеству с социал-демократией.

Гитлер внимательно следил за сохранением каналов связи с Москвой. В программной речи на первом заседании нового состава Рейхстага 23 марта 1933 г. он подчеркнул, что «борьба с коммунизмом в Германии — наше внутреннее дело», но что «межгосударственные отношения с другими державами, с которыми нас связывают общие интересы, не будут этим затронуты». Тогда же он сделал широкий жест в сторону Москвы, пойдя навстречу ее просьбе об отсрочке мартовских и апрельских платежей по ранее предоставленному Германией кредиту. На заседании правительственного кабинета 26 сентября 1933 г. фюрер потребовал не «разрывать с нашей стороны германо-русских отношений» и не «давать русским повода для такого разрыва» [цит. по: 6, с. 58—59]. В апреле 1933 г., т.е. буквально «на следующий день» после прихода к власти, Гитлер идет навстречу советскому предложению о бессрочной пролонгации Договора о нейтралитете 1926 г. и обеспечивает его быструю ратификацию, чего СССР не удалось добиться от властей Веймарской республики.

Вопрос: как это сочетается с многочисленными «антисоветскими» высказываниями нацистских бонз и действиями германской дипломатии вроде отказа от советских инициатив по созданию обстановки безопасности в Восточной Европе путем заключения т.н. Восточного пакта⁸ или совместного гарантирования неприкосновенности прибалтийских государств? (В этом советская историография традиционно усматривала заточенность германской агрессии на восток.) Очень просто! «Мне придется играть в мяч с капитализмом и сдерживать версальские державы, заставляя их верить, что Германия — последний оплот против красного потопа», — откровенничал Гитлер в узком кругу единомышленников. — Для нас это единственный способ пережить критический период, разделаться с Версалем и снова вооружиться» [цит. по: 5, с. 16, 59]. Действительно, до конца лета 1940 г. СССР в военных планах Германии даже не упоминался. Пропагандистские и дипломатические выпады против него были призваны стать

⁸ Имелось в виду создание региональной системы коллективной безопасности с участием помимо СССР, Франции, Германии, Польши, Чехословакии, Финляндии, Литвы, Латвии и Эстонии.

отвлекающим маневром накануне грандиозного внешнеполитического наступления Берлина на западе.

Под этим углом зрения надо смотреть и на решение Гитлера о продлении договора 1926 г. Оно выглядит как шаг Берлина навстречу пожеланиям Москвы, однако действительным выгодоприобретателем стал сам Берлин. Неизбежная дестабилизация отношений между Германией и англо-французской коалицией в связи с началом осуществления гитлеровской внешнеполитической программы, с одной стороны, и постепенное приспособление СССР к политическим реалиям Европы эпохи Версаля — с другой, кардинально изменили *политический* смысл Берлинского договора. С начала 30-х гг. из односторонней германской гарантии Советскому Союзу он все больше превращался в свою противоположность — одностороннюю советскую гарантию Германии⁹. Конечным пунктом этой эволюции станет пакт Молотова — Риббентропа. Продление срока действия Берлинского договора, осуществленное Гитлером накануне германского наступления на западном дипломатическом фронте, послужило прообразом его тактики в августе 1939 г. В обоих случаях это была политическая взятка Москве за безопасность восточного фланга Германии — политического в первом случае и военного во втором.

Разрыв, против которого предостерегал Гитлер, все же произошел, и первой его жертвой стал визит в СССР высокопоставленной делегации Рейхсвера летом 1933 г., отмененный по требованию советской стороны. Однако приход к власти национал-социалистов, по мнению фон Дирксена, здесь был ни при чем: он «совпал с кризисом в русско-германских отношениях, но не он породил его» [4, с. 157]. Если Дирксен возражает против расхожего мнения, что разлад в этих отношениях был вызван идеологической несовместимостью германского национал-социализма с советским

⁹ Из письма Л.М. Кагановича, члена Политбюро и его комиссии по международным делам, Сталину (осень 1931 г.): «... У нас сейчас нет такой обстановки, которая вынуждала бы нас забегать перед Германией, скорее она в нас сейчас больше всего нуждается [...] как с точки зрения экономической, так и политической» [10, с. 213]. Это было явным преувеличением, но тенденция подмечена верно.

большевизмом, то это верный анализ ситуации. Сталин с ним соглашался. «Мы далеки от того, — говорил он на XVII съезде ВКП(б), — чтобы восторгаться фашистским режимом в Германии. Но дело здесь не в фашизме, хотя бы потому, что фашизм, например, в Италии не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной» [81, с. 13]. Ни в Берлине, ни в Москве не были заинтересованы в радикальном свертывании связей; в соображениях внутренней политики достаточно было просто сделать их менее демонстративными.

Прав Г. фон Дирксен и в том, что ко времени начала гитлеровского правления отношения между двумя странами уже были отягощены целым рядом конфликтов и нерешенных проблем и из них быстро выветривался «дух Рапалло». Германия обвиняла Москву в поощрении радикализма в деятельности КПГ, в разорении крестьянских хозяйств немцев — граждан СССР в ходе коллективизации и репрессиях против них и членов их семей, в преследованиях немецких священников, а также инженеров и техников, проживавших в СССР или работавших там по контрактам, и пр. Очень не понравилось Берлину и заключенные в 1932 г. советско-французский и советско-польский договоры о ненападении. Москва выдвигала встречные претензии за внешнеполитическую переориентацию Германии на западную коалицию, заигрывание с Японией, удар по военному сотрудничеству, вмешательство во внутренние дела СССР в форме протестов против указанных выше репрессий. Обоюдное разочарование вызывали результаты торгово-экономических связей. Состоявшиеся 11 и 13 декабря 1933 г. беседы Литвинова с послом Германии в СССР Р. Надольным дают объемное представление о состоянии отношений между двумя странами [58, с. 740—741].

Обе стороны были заинтересованы в расчистке этих авгиевых конюшен, и в течение долгого времени главы дипломатических ведомств и представительств СССР и Германии занимались урегулированием многочисленных споров, частных претензий и т.п. «Вся горечь, накопившаяся за последние годы, выплеснулась в этом потрясающем и беспрецедентном акте очищения», — свидетельствовал бессменный советник германского посольства в Москве Г. Хильгер. Однако в отношении двух основных встречных претензий сторон компро-

мисса не было: Германия хотела получить публичное заверение советского правительства в том, что оно отмежевывается от поддержки мирового и особенно германского коммунизма; Москва, со своей стороны, требовала от Берлина клятвы в верности договору в Рапалло [56, с. 284–285].

Эксцессы, присущие «национал-социалистической революции», как всякой другой, все же не могли не сказаться на состоянии дел. Последовали нападения штурмовых отрядов Э. Рёма и полиции на ряд коммерческих и иных учреждений СССР и на отдельных его представителей, в том числе корреспондентов ТАСС, «Правды» и «Известий». К большому неудовольствию Москвы фюрер не осудил должным образом эти недружественные акции. Политбюро, однако, сочло целесообразным не нагнетать обстановку и 25 октября инструктировало Литвинова дать немцам понять, что «мы не намерены углублять конфликт и готовы сделать все необходимое для восстановления прежних отношений» [10, с. 295]. Однако процесс отчуждения рапальских партнеров друг от друга продолжился.

Представляется, что по большому счету это отчуждение со стороны СССР стало результатом постепенной переориентации его внешней политики с Германии на *негерманскую Европу* под воздействием разнонаправленных изменений в политическом положении европейских стран и Советского Союза. Если к концу 20-х годов Европа в основном вышла из зоны послевоенной социально-политической турбулентности¹⁰, то СССР, напротив, вошел в нее в результате политики коллективизации. На начатую Кремлем войну за хлеб с представляющим 80 процентов населения страны крестьянством, деревня ответила восстаниями, лояльность крестьянской по составу Красной армии повисла на волоске. Производство

¹⁰ Последним «пролетарским наскоком» на капиталистический мир стала попытка Москвы подрыва внутреннего положения Великобритании руками бастующих английских горняков в 1926 г. Добиться цели не удалось, а последовавший за этим разрыв дипломатических отношений по инициативе Лондона напугал Кремль до полуобморочного состояния. На дальнейших операциях подобного рода ставится жирный крест, тайные агенты всевозможных советских спецслужб и Коминтерна изгоняются (на какое-то время) из полпредств, а последним категорически запрещается вмешиваться во внутренние дела стран пребывания.

сельскохозяйственной продукции упало в разы, имея следствием сокращение экспортной выручки и возникновение кризиса внешнеторгового платежного баланса, что грозило уже срывом политики индустриализации в результате недополучения по импорту оборудования, сырья и технической помощи. Пик кризиса неплатежей во внешнеэкономических отношениях пришелся на 1932–1933 гг.

В этих условиях мечты о советизации континента пришлось отложить до лучших времен. Лишившийся зубов волк счел за благо для себя вырядиться на время в овечью шкуру. Требовались внешняя безопасность, нормальный товарообмен, кредиты и техническая помощь, а получить их можно было только от правительственных и деловых кругов Запада. На московской политической бирже акции германского партнера по дестабилизации Европы резко упали в цене. Напротив, начиная с 1928 г. Москва приложила немалые усилия, чтобы сблизиться с Парижем, но по разным причинам они оказались тщетными. В результате, как еще в 1931 г. Литвинов писал Кагановичу, «мы [...] сейчас танцуем на германской ноге» [10, с. 212]. Однако появившиеся признаки возрождения германской угрозы сделали Париж и Москву более покладистыми, а советско-французский *rapprochement*¹¹ — неизбежным, и осенью 1932 г. был заключен договор о ненападении между двумя странами. Нарком ориентирует советского полпреда в Париже В.С. Довгалецкого, что в Москве «взяли твердый курс на сближение с Францией» [58, с. 736]. Этот курс был закреплен вступлением СССР в сентябре 1934 г. в Лигу Наций, которая была частью Версальского миропорядка¹².

Представляется также, что в 1933 г. и Москве, и Берлину просто была нужна пауза, чтобы лучше присмотреться к своему экзотическому партнеру и понять, как с ним строить отношения. Впрочем, и период между апрелем 1933-го и авгу-

¹¹ Сближение (фр.).

¹² Международная организация, учрежденная в 1919–1920 гг. в ходе работы Парижской (Версальской) мирной конференции, просуществовала до 1946 г. Официальными целями провозглашались разоружение, предотвращение вооруженных конфликтов, обеспечение коллективной безопасности, мирное урегулирование межгосударственных споров и др.

стом 1939 г. нельзя назвать «мертвым сезоном» в советско-германских отношениях. Вполне успешно развивается экономическое сотрудничество. 20 марта 1935 г. Гитлер идет на подписание соглашения «Об общих условиях поставок из Германии в СССР». В развитие его 9 апреля заключается межправительственное соглашение, предусматривавшее, в частности, предоставление германского кредита в размере 200 млн марок на финансирование торговли с СССР в течение пяти ближайших лет. Немцы предлагали увеличить размер кредита до 500 млн и даже до 1 млрд марок, но по рекомендации НКВД Кремль отказался от этих предложений из-за угрозы попасть в чрезмерную экономическую зависимость от Германии. Что касается советских инициатив политического характера, в частности, настойчиво выдвигавшейся в 1935—1936 гг. идеи подкрепить Договор о нейтралитете 1926 г. договором о ненападении, то они не находили отклика в Берлине. Гитлер не спешил отвечать взаимностью, потому что, преждевременно встав на путь возрождения антизападного рапалльского альянса, он не добился бы тех многочисленных уступок, на которые Лондон и Париж шли в рамках избранного ими курса на умиротворение Германии.

Упорный отказ Германии гарантировать уважение восточноевропейского статус-кво спровоцировал у советской внешней политики приступ пацифизма. Из инструментария царской дипломатии достали идею тройственной антигерманской коалиции в составе России, Великобритании и Франции и назвали ее «борьбой за коллективную безопасность в Европе»¹³. «Борьба» увенчалась в 1935 г. подписанием хотя и не работающего в военном плане, но политически очень важного договора о взаимопомощи с Францией. Это был выход советской внешней политики на принципиально иной уровень отношений с одной из двух главных европейских держав. Кроме того, с помощью «французского ключа» Москва получила возможность отпирать двери для переговоров с ориентировавшимися на Париж лимитрофами — Польшей, Чехословакией и Румынией. Наконец, «особые отноше-

¹³ Впервые идея возрождения франко-русского военно-политического союза была предложена министром иностранных дел Франции Луи Барту в 1933 г. и встретила понимание в Москве.

ния» с Францией могли сыграть важную роль амортизатора в трудных советско-британских отношениях.

Если для М.М. Литвинова договор стал первым камнем в фундамент здания будущей англо-франко-советской коалиции, то Сталину он был нужен, главным образом, как орудие шантажа Гитлера. Не отказываясь рассматривать союз с западной коалицией как страховой полис на случай германской угрозы, Кремль все же надеялся, что из страха оказаться окруженным новым *штальринг*¹⁴, фюрер бросится ухаживать за Москвой, чтобы переманить на свою сторону и тем самым похоронить идею ее союза с Парижем и Лондоном. То есть вернется к политике Рапалло. Средство, однако, оказалось слишком сильным: Гитлер смотрел на договор глазами Литвинова и счел его действительно началом возрождения большого антигерманского альянса¹⁵. Он подозревал, что Москве была нужна только видимость укрепления отношений с Берлином для того, чтобы шантажировать этой угрозой Великобританию и тем самым побудить ее скорее присоединиться к советско-французскому союзу. Лидирующая роль Литвинова как архитектора панъевропейской системы коллективной безопасности, казалось, не оставляла места для иных интерпретаций политики Москвы. На советско-французское сближение нацистский режим ответил, в частности, потоком враждебных и оскорбительных выпадов в адрес СССР и его лидеров на Нюрнбергском партийном съезде осенью 1936 г. Однако ради достижения желанной договоренности с Германией Кремль проглотил эту обиду и отверг предложение НКВД об ответных действиях на правительственном уровне, поручив это газетам. [35, с. 762; 10, с. 341].

Обозначившееся различие в понимании Кремлем и НКВД конечной цели в германском вопросе побудило Сталина замкнуть его на себя. Его доверенным лицом в Берлине стал

¹⁴ Стальное кольцо удушения — так в Германии назвали систему ее военно-политического окружения.

¹⁵ Насколько серьезно в Берлине относились к советско-французскому договору, видно из такого факта: через четыре года, при подписании в Москве пакта о ненападении, Риббентропа очень волновал вопрос о взаимно-исключающем характере обязательств СССР, вытекающих из этих двух документов; ему, однако, посоветовали не волноваться по поводу такого «пустяка».

Д.В. Канделаки, специально для этого назначенный на должность торгпреда. (По личным указаниям вождя действовали также главный специалист партии по Германии К.Б. Радек и назначенный на должность советника полпредства С.А. Бессонов.) Ввиду запрета, наложенного фюрером на политические заигрывания с Москвой, формально неполитический характер должности Канделаки был весьма кстати. Перед ним как торгпредом открывались двери высоких кабинетов, в том числе директора Имперского банка Я. Шахта. Встречи сторон проходили в 1935–1937 гг. В ходе беседы с Шахтом в декабре 1936 г. Канделаки сделал заявление от имени Сталина и Молотова о желании СССР улучшить двусторонние отношения и провести официальные переговоры на этот счет. Торгпреду поручалось подчеркнуть, что в глазах Москвы отношения с Германией имеют приоритет перед отношениями с Парижем: «Мы пытались получить гарантию от самого германского правительства¹⁶, но это не удалось. Отсюда и заключение советско-французского пакта о взаимной помощи...» [цит. по: 121, с. 97].

Канделаки не сумел выполнить поручение вождя навязать своим берлинским визави политическую повестку. В середине декабря 1936 г. Г. Геринг пригласил для беседы советского полпреда в Германии Я.З. Сурица и по распоряжению фюрера фактически сделал представление, хотя и в мягкой форме, по поводу активности торгпреда. Вместе с тем он заявил, что является сторонником развития экономических отношений с СССР, «независимо от состояния политических отношений между двумя странами» и «понимает их значение». «Говоря о своем искреннем желании развивать хозяйственные отношения с СССР, он сказал, — отмечается в записи беседы полпреда, — что это отвечает и его взгляду на желательность нормализации и политических отношений, и при этом припомнил заветы Бисмарка». Явно предлагая себя на роль «человека Москвы в Берлине», Геринг обратил внимание дипломата на то, что сам он никогда не допускал никаких выпадов против СССР и его руководителей после прихода нацистов к власти [10, с. 347]. В январе 1937 г. Сталин

¹⁶ Имелось в виду предложение о заключении договора о ненападении.

тайно от Литвинова предпринял через «своего» торгпреда попытку обналичить выданный Герингом политический вексель, но по распоряжению фюрера контакты были прерваны, правда, с намеком на возможное их продолжение в будущем. Вскоре Канделаки будет отозван из Берлина и репрессирован (расстрелян).

Тем временем отношения продолжали ухудшаться, и в 1937—1938 гг. по вине Берлина разразился «консульский кризис», в результате которого были закрыты все советские консульства на территории Германии и германские консульства в СССР. Ввиду этих неудач в Москве решили пойти ва-банк и поставить на кон беспроегрышный в политической игре с Берлином «польский вопрос». В советской печати на протяжении 1938 г. появились статьи — сначала заместителя наркома В.П. Потемкина, а затем и М.М. Литвинова, в которых Польша в слегка завуалированном виде «предсказывалась», в наказание за ее нехорошее антисоветское поведение, возможность четвертого раздела. Начиная с осени 1938 г. польская тема также постоянно поднималась руководителями НКВД в беседах с европейскими дипломатами.

Берлин отреагировал далеко не сразу. Там правильно рассчитали, что пожали еще не все плоды англо-французской политики умиротворения — и в сентябре сорвали мюнхенский приз! После этого триумфа рассчитывать на новые уступки стратегического порядка от Парижа и Лондона не приходилось: кроме Польши уступать уже было нечего, но пасть так низко эти державы все же не решались. Только получив от западной коалиции путем шантажа и обмана все, что было политически возможно: отмену ограничений на вооружения для Германии, присоединение Саара, ремилитаризацию Рейнской области, аншлюс Австрии, захват Чехословакии и Клайпедского края Литвы, — только тогда фюрер достал из рукава кремлевский козырь и пустил его в дипломатическую игру. По его признанию, он понял, что наступил момент переориентировать свою внешнюю политику на Москву [11, с. 27].

Первой ласточкой новой «весны» советско-германских отношений стало достигнутое в октябре 1938 г. соглашение о взаимном прекращении нападков по радио и в печати на ру-

ководящих деятелей обеих стран. В декабре было достигнуто соглашение о продлении на 1939 г. советско-германского торгового договора. Тогда же Берлин предложил обсудить вопросы о предоставлении СССР 200-миллионного кредита и об общей нормализации двусторонних отношений.

Драматически зримо новая политика в отношении СССР была продемонстрирована 12 января 1939 г. на новогоднем правительственном приеме для дипломатического корпуса: Гитлер необычайно долго (целых 7 минут!) и любезно беседовал с советским полпредом А.Ф. Мерекаловым, которого до того демонстративно игнорировал. Ответной любезностью советского вождя стала его речь на XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 г., в которой он обвинил Великобританию и Францию в провоцировании войны между Германией и СССР, у которых, по его словам, были все шансы на бесконфликтное существование [144, с. 13–14]. Как позднее признался И. Риббентропу сам Сталин, это заявление предназначалось для германских ушей и должно было стать приглашением Берлину приступить к нормализации отношений между двумя странами [12, с. 141]. Риббентроп доложил о речи Сталина Гитлеру, однако тот «занял выжидательную позицию и колебался», сомневаясь в искренности Москвы [12, с. 134].

1939 год вообще можно назвать «годом СССР в Германии». С января полностью прекращается критика в адрес советского режима в немецких средствах массовой информации и выступлениях официальных деятелей Третьего рейха. В начале мая германское правительство удовлетворяет просьбу Москвы о признании действующими заключенных ею ранее, — до поглощения Чехии Германией, — контрактов с чешскими заводами «Шкода» на поставку продукции оборонного назначения [13, с. 31]. В июне, принимая во внимание советскую озабоченность положением на Балтике, Германия по собственной инициативе идет на подписание договоров о ненападении с Латвией и Эстонией и предлагает аналогичный договор Финляндии. Германский посол в Москве В. фон Шуленбург назвал этот шаг «первым политическим взносом» Германии в дело улучшения отношений с СССР [13, с. 35]. В апреле начались, а в июле-августе были максимально ускорены переговоры на уровне посольств по всему комплексу

отношений между двумя странами. Далее мы приведем их хронологию.

С учетом сказанного повторимся: дипломатическим сальто-мортале, т.е. драматическим отступлением от генеральной линии внешней политики СССР, выглядит как раз не заключение пакта Молотова — Риббентропа, а, напротив, недолгое вынужденное участие Москвы в переговорах о создании европейской системы коллективной безопасности в 1935 и 1939 гг.

Дело в том, что Сталин считал стратегический союз СССР с западными демократиями ложным шагом, уводящим слишком далеко в сторону от решения настоящих программных задач его режима на международной арене, заключавшихся в экспорте революции как по старым каналам Коминтерна, так и все в большей мере методами военно-политического насаждения социализма. В условиях европейского мира последнее было совершено невозможно. Кремлю нужна была «вторая империалистическая война»¹⁷. Поэтому Сталин не испытывал ни малейшего желания становиться соавтором Лондона и Парижа в подготовке нового, улучшенного за счет советского участия издания Версаля, на сей раз под названием «система коллективной безопасности в Европе». Об этом Молотов заявил публично на сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г., а именно что советская внешняя политика строилась на основе, «не имеющей ничего общего с интересами увековечения послевоенной Версальской системы» [«Известия». — 1939. — 1 сентября]. В беседе с британским послом в Советском Союзе С. Криппсом летом 1940 г. Сталин прямо скажет, что СССР является противником восстания существовавшего до войны европейского равнове-

¹⁷ Так грядущая война была названа в статье заместителя наркома иностранных дел В.П. Потемкина, опубликованной в апреле 1939 г. в органе ЦК ВКП(б) журнале «Большевик». Автор, выступивший под псевдонимом В. Гальянов, писал: «Человечество идет к великим битвам, которые развяжут мировую революцию. [...] Конец этой второй войны ознаменуется окончательным разгромом старого, капиталистического мира». Угодив между жерновами — СССР и европейской социальной революции, предсказывал автор, «в пыль и прах обращены будут остатки капиталистической системы» [138, с. 49—65].

сия, потому что оно противоречило его интересам [14, с. 395].

В чем состояли эти интересы доподлинно известно: дождаться войны между Германией и западной коалицией или спровоцировать ее (для того Москва и содействовала возрождению германской армии), затем, воспользовавшись тяготами и хаосом военного времени, через подконтрольные Кремлю партии поднять народы воюющих стран на социально-политический протест. Заключительным аккордом должен был стать «освободительный» поход на Европу Красной армии, несущей на своих штыках идею государственного социализма по образцу и подобию советского. В 1925 г. Сталин заявил, что если начнется межимпериалистическая война «то нам не придется сидеть, сложа руки — нам придется выступить, но выступить последними. И мы выступим для того, чтобы бросить решающую гирию на чашу весов, гирию, которая могла бы перевесить» [15, с. 14].

Он повторил эту мысль на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 19 августа 1939 г. Оценивая сложившуюся ситуацию, Сталин заявил, что «вопрос мира или войны вступает в критическую для нас фазу. [...] Если мы примем предложение Германии о заключении с ней пакта о ненападении, она, конечно, нападет на Польшу, и вмешательство Франции и Англии в эту войну станет неизбежным. В этих условиях у нас будет много шансов остаться в стороне от конфликта, и мы сможем надеяться на наше выгодное вступление в войну». Возникновение войны в Европе, продолжил вождь, откроет перед СССР «широкое поле деятельности для развития мировой революции». Поэтому «в интересах СССР — Родины трудящихся, чтобы война разразилась между Рейхом и капиталистическим англо-французским блоком. Нужно сделать все, чтобы эта война длилась как можно дольше в целях изнурения двух сторон. Именно по этой причине мы должны согласиться на заключение пакта, предложенного Германией, и работать над тем, чтобы эта война, объявленная однажды, продлилась максимальное количество времени»¹⁸ [цит. по: 16, с. 79].

¹⁸ Официозная пропаганда ставит под сомнение подлинность этого высказывания Сталина, ссылаясь на отсутствие (кстати, исключительно по причине закрытости архивов!) «железобетонных» письменных доказательств.

Весьма примечательны сказанные Сталиным на Политбюро слова о том, что затяжной вооруженный конфликт на Западе создаст условия для «нашего выгодного вступления в войну». Вопрос: против кого? В союзе с западной коалицией против Германии? Нет, конечно. Для этого не стоило городить огород с пактом-39. В союзе с Германией против западной коалиции? Исключается даже по чисто географическим причинам. Правильный ответ — против всей капиталистической Европы, по крайней мере, континентальной.

В Москве не собирались ждать окончания войны на Западе, а намеревались, как указывалось выше, выступить как самостоятельная третья сила и, имея союзником измученные войной народные массы континента, превратить ее в общеевропейскую гражданскую войну. В начале июля 1940 г. в одной из бесед Молотов нарисовал воистину эпическую картину грядущих классовых битв. «Сейчас мы убеждены более чем когда-либо еще, — заявил нарком, — что гениальный Ленин не ошибался, убеждая нас, что вторая мировая война позволит нам завоевать власть во всей Европе, как первая мировая война позволила захватить власть в России. Сегодня мы поддерживаем Германию, однако ровно настолько, чтобы удержать ее от принятия предложений о мире до тех пор, пока голодающие массы воюющих наций не расстанутся с иллюзиями и не поднимутся против своих руководителей. Тогда германская буржуазия договорится со своим врагом — буржуазией союзных государств, с тем, чтобы объединенными усилиями подавить восставший пролетариат. Но в этот момент мы придем к нему на помощь; мы придем со свежими силами, хорошо подготовленные, и на территории Западной

Однако имеется множество свидетельств, что нехитрая идея провоцирования «межимпериалистических противоречий» с целью воспользоваться ими «в интересах советской власти» была краеугольным камнем внешнеполитической стратегии Сталина. Вот, к примеру, его телеграмма Кагановичу и Молотову от 2 сентября 1935 г., т.е. отправленная в самый «разгар борьбы» за коллективную безопасность на континенте: «Чем сильнее будет драка между ними (европейскими великими державами. — *Ред.*), тем лучше для СССР. ...Нам выгодно, чтобы драка у них была как можно более длительной, но без скорой победы одной над другой» [37, док. 620, с. 545]. Как видим, 19 августа Сталин просто процитировал сам себя. На этом спор об аутентичности сталинского высказывания, полагаем, можно считать законченным.

Европы, как я думаю, где-нибудь около Рейна, произойдет решающая битва между пролетариатом и загнивающей буржуазией, которая и решит навсегда судьбу Европы. Мы уверены, что победа в этой битве будет именно за нами, а не буржуазией» [17, с. 40].

Речь шла, таким образом, не о превентивной войне против Германии в интересах национальной безопасности, а о классовой атаке на всю капиталистическую Европу, что с этими интересами не имело, конечно, ничего общего.

Деятельность Литвинова по созданию системы коллективной безопасности никоим образом не вписывалась в эти грандиозные планы. Поэтому, как только обозначилась перспектива установления «особых» советско-германских отношений, его энтузиазм по поводу коллективной безопасности стал неуместен, как и он сам: Литвинова сняли с поста наркома, обвинив в англо- и франкофильстве и «непроведении партийной линии» во внешней политике, т.е. линии Рапалло. Учли в Москве и то обстоятельство, что для берлинского режима нарком-еврей был наилучшим выбором на роль партнера по предстоявшим деликатным переговорам. Отставка наркома, который, сожалел Молотов, «случайно жив остался» [18, с. 116], дала сигнал к тотальному кадровому разгрому чичеринско-литвиновского НКВД¹⁹.

Четырехмесячное изучение всего комплекса советско-германских отношений завершилось 11 августа 1939 г. приняти-

---

¹⁹ Из менее 500 кадровых сотрудников НКВД подверглись репрессиям 5 заместителей наркома, 48 полпредов, 28 глав консульских представительств и 113 других ответственных работников наркомата. *«Зная, что при нашей бедности кадрами особенно ценен каждый культурный и опытный дипломат, вы заманили в Москву и уничтожили одного за другим почти всех советских полпредов. Вы разрушили дотла весь аппарат Народного комиссариата иностранных дел», — обличал Сталина в открытом письме к нему старый большевик и дипломат Ф.Ф. Раскольников [142].* С профессиональной дипломатией было покончено; пришло время безраздельного господства кремлевских дилетантов, а на важнейшие дипломатические посты ставятся вчерашние агрономы, инженеры-хладобойщики, редактора заводских многотиражек и т.п. Что касается лично Литвинова, то в 1940 г. Сталин действительно планировал его устранение под видом несчастного случая. Стране (и Сталину тоже!) повезло, что убийство не состоялось: когда в 1941 г. судьба СССР повисла на волоске, Литвинов очень пригодился в качестве замнаркома и по совместительству — что еще важнее — посла в США.

ем Политбюро решения «вступить в официальное обсуждение поднятых немцами вопросов». Дорога ко «второму Рапалло», как часто называют договор 1939 г., была открыта. В политическом отношении данный термин представляется уместным. С международно-правовой точки зрения, однако, пакт Молотова — Риббентропа стал третьим по счету в рапальской линейке документов. Первыми двумя были соглашение 1922 г. и Берлинский договор о нейтралитете 1926 г. Все три документа ведут свою родословную из общего — рапальского гнезда. Это видно из содержащихся в них перекрестных ссылок друг на друга: пакт Молотова — Риббентропа признает свое прямое родство с договором 1926 г., а последний — с договором 1922 г. Никак не получается назвать договор о ненападении 1939 г. дитем случайной политической связи! Поезд с германскими реваншистами и кремлевскими ниспровергателями мирового социального порядка, отошедший от рапальской политической платформы в 1922 г., после двух промежуточных остановок в Берлине в 1926-м и 1933 г. благополучно прибыл 23 августа в пункт назначения.

Это был закономерный результат. В силу объективных причин каждая из сторон рапальского процесса — и советская, и германская — могла реализовать свою собственную внешнеполитическую программу *только и исключительно* в связке с другой стороной, замены которой не существовало. Германский посол в СССР в 1922—1928 гг. Ульрих фон Брокдорф-Ранцау называл это «общностью судеб». В национал-социалистическом Берлине и коммунистической Москве прекрасно сознавали взаимную обреченность на сотрудничество в решающий момент перехода из версальского миропорядка в какой-то иной в результате новой европейской войны. В августе 1939 г. Европа стояла на пороге этих перемен, и «возвращение в Рапалло» стало неизбежным. Как писал Л.Д. Троцкий: «Сталин дождался, наконец, рукопожатия (А. Гитлера. — *Ред.*), о котором не переставал мечтать в течение шести лет» [19, с. 553].

Между тем официальная историография не оставляет попыток представить сближение с Берлином как спонтанную реакцию Москвы на неуспех плана по созданию системы кол-

лективной безопасности. По этой версии, последним усилием в данном направлении стали трехсторонние англо-франко-советские переговоры в Москве летом 1939 г., вся ответственность за срыв которых возлагается на западных участников. Поскольку о «спонтанности» нами было сказано достаточно, поговорим теперь об ответственности.

Запрограммированный провал

Как отмечалось выше, идея этих переговоров оформилась к середине апреля 1939 г. То был период наименьшей определенности в отношениях между европейскими центрами силы; поэтому в Лондоне, Париже и Москве сочли разумным «подстелить соломки», т.е. заручиться взаимной поддержкой на тот случай, если договориться с Германией им так и не удастся. Условия оказания такой взаимопомощи и предстояло согласовать в Москве. В то же время обе стороны — советская и западная, — усаженные за стол переговоров общей для них германской угрозой, мечтали об их срыве в результате достижения собственной сепаратной договоренности с Берлином: столь тяжелым, на грани неприемлемого, был для них успешный, с формальной точки зрения, исход переговоров.

Для Москвы военно-политическое окружение Третьего рейха ставило крест на планах завоевания Европы, поскольку зажатая в эти тиски Германия не рискнет начать большую войну. Если все же Берлин решился бы на войну и проиграл ее объединенной коалиции с участием СССР, то советская зона доминирования ограничивалась Восточной и частью Центральной Европы по образцу 1945 г. После колоссальных жертв, которые страна понесла в годы коллективизации и индустриализации ради подготовки к войне за единоличное господство на континенте, столь невнятный итог неизбежно ставил под сомнение правильность всего внутри- и внешнеполитического курса сталинского руководства.

Еще более весомым аргументом против вхождения в союз с англо-французской коалицией было шаткое внутривнутриполитическое положение Кремля. Вследствие этого, единственным устраивавшим его сценарием предстоявшей войны был та-

кой, который исключал вероятность даже кратковременного вступления иностранных войск на советскую территорию²⁰. Военный союз с Великобританией и Францией *по определению* не мог это гарантировать уже хотя бы ввиду географического положения Германии относительно СССР, а потому имел в глазах кремлевского руководства мало смысла. **2 августа 1939 г.** Троцкий писал: «Прежде чем гогенцоллернская Германия пала под ударами мировой коалиции, она нанесла смертельный удар царскому режиму. [...] Не повторится ли в преобразованном виде этот исторический эпизод? — спрашивали себя с тревогой обитатели Кремля. Они не сомневаются, что коалиция из Франции, Великобритании, Советского Союза, Польши, Румынии при несомненной в дальнейшем поддержке Соединенных Штатов в конце концов сломила бы Германию и ее союзников. Но прежде, чем свалиться в пропасть, Гитлер мог бы нанести СССР такое поражение, которое кремлевской олигархии стоило бы головы» [135, с. 143].

Противостоять этой угрозе в Кремле рассчитывали, развернув германскую агрессию на запад (данная задача будет решена подписанием пакта-39) и оставаясь возможно дольше нужными Берлину в политическом и экономическом отношениях, что стало основным содержанием международной деятельности Кремля в 1939 — первой половине 1941 г. Нейтрализация германской угрозы указанным выше способом имела, однако, тот недостаток, что давала Лондону и Парижу основания рассматривать СССР как фактического союзника Германии, т.е. воспроизводилась ситуация весны 1918 г. — кануна прибытия антантовских войск в Советскую Россию. Поэтому наряду с широкоформатной германской интервенцией в Москве рассматривали возможность осуществления ее точечного варианта силами англо-французской коалиции по примеру 1918—1919 гг., т.е. путем высадки экспедиционных сил все в тех же Мурманске и Архангельске — на севере,

---

²⁰ По требованию политического руководства страны обеспечение данного условия было положено в основание всей работы Наркомата обороны и генштаба РККА по разработке стратегии в вероятной войне с европейскими великими державами. Пропагандистским отражением этой стратегии стал *официально утвержденный* лозунг «бить врага на его собственной территории». Об этом см.: гл. 3.

и Крыму, Одессе и Новороссийске — на юге. Однако эта угроза была несопоставима по масштабу с германской.

В Кремле также учитывали, что самостоятельно угроза англо-французской интервенции не существовала, и могла возникнуть, да и то необязательно, только как реакция западной коалиции на квазисоюзнические отношения Москвы с Берлином. Таким образом, летом-осенью 1939 г. единственным объектом советской политики умиротворения неминуемо должен был стать именно Берлин. 14 августа 1939 г. Риббентроп поручает Шуленбургу укрепить Сталина в этом мнении. «...Капиталистические демократии Запада, — говорилось в телеграмме рейхсминистра, предназначенной для передачи в Кремль, — являются неумолимыми врагами, как Национал-Социалистической Германии, так и Советского Союза. Сегодня, заключив военный союз, они снова пытаются втянуть СССР в войну против Германии. В 1914 году эта политика имела для России катастрофические последствия» [36, с. 582]. Ранее в беседе с советником полпредства Г.А. Астаховым 2 августа Риббентроп выразился проще: «Русский царь пошел вместе с Англией и в результате поплатился троном». Сталину предлагалось задуматься о своем пребывании в Кремле.

Вождь вряд ли нуждался в риббентроповском напоминании. Неплохо знавший его Троцкий писал: «Международная политика полностью подчинена для Сталина внутренней. Внутренняя политика означает для него, прежде всего, борьбу за самосохранение. Политические проблемы подчинены, таким образом, полицейским» [135, с. 138]. **Взятая во всей полноте действительность решительно сдвигала для Кремля проблематику выбора между двумя европейскими центрами силы в сторону учета его последствий для внутривнутриполитического положения в СССР.**

В те же дни в западных столицах мучительно решали вопрос о том, что им обойдется дороже: немецкая болезнь или московское лекарство. Было ясно, что за советскую помощь придется заплатить согласием на установление контроля Кремля над значительной частью Европы. Даже если бы войну удалось избежать путем принуждения Германии к миру, то и в этом случае Восточная Европа попадала под сильнейшее

влияние Москвы. Дело в том, что в качестве неперемного условия своего участия в трехстороннем соглашении СССР выдвинул требование о признании за ним права вводить войска на территорию соседних восточноевропейских стран всякий раз, когда, по его мнению, для них возникнет угроза прямой и даже т.н. косвенной агрессии со стороны Германии. Последний термин, до тех пор практически не применявшийся в международном праве, трактовался Москвой столь расширительно (включая в себя и чрезмерную экономическую зависимость, и усиление влияния «прогерманских элементов» внутри этих стран и пр.), что ставил их в сильнейшую зависимость от возможного произвола Кремля.

Вот почему, вступая в переговоры, каждая из сторон поспешила дать Берлину понять, что ее участие в них — это всего лишь подготовка «запасного аэродрома» и что она предпочла бы договориться обо всем с самой Германией. (Здесь необходимо оговориться, что в то время в трех столицах не могли себе и представить, с **какой** Германией они имеют дело.) Впрочем, по-настоящему свободным в выборе образа дальнейших действий был только СССР, не имевший никаких обязательств перед остальными участниками комбинации, тогда как гарантии безопасности, данные 31 марта 1939 г. Великобританией и Францией²¹ Варшаве, заметно сужали пространство для их политического маневра. Западная граница Польши являлась той «красной линией», до которой англо-французская коалиция была готова *политически* отступить, пытаясь умиротворить Германию ценой уступок в разного рода частных вопросах, и надеясь, таким образом, обойтись без дорогостоящей помощи Москвы. Последней реализованной попыткой остановить Германию на этом рубеже стало заключение 25 августа, т.е. уже после подписания пакта-39, англо-польского договора о военной взаимопомощи.

---

²¹ Еще раньше, 12 февраля 1921 г., между Францией и Польшей был заключен договор о взаимопомощи. 17 мая 1939 г. военные министры Франции и Польши подписали соглашение, по которому Франция обязалась начать наступательные действия против Германии в случае ее нападения на Польшу.

Официозная пропаганда, как раньше советская, возлагает ответственность за срыв переговоров на западных партнеров, обвиняя их в грехе «закулисных» контактов с Берлином, имевших целью достичь с ним модус вивенди без участия СССР. И это правда. Действительно, Лондон и Париж надеялись откупиться от Гитлера и остановить его ценой разного рода мелких уступок, главным образом, за счет Польши. Мюнхенский хмель еще не выветрился из голов английских и французских руководящих деятелей. Однако Москва отнюдь не уступала в «закулисной активности» партнерам по переговорам, а пожалуй, и далеко превосходила их. Поскольку о параллельных советско-германских попытках договориться зачастую умалчивается, приведем хронологию наиболее значимых из них:

— 17 апреля: беседа полпреда А.Ф. Мерекалова со статс-секретарем МИД Германии Э. фон Вайцзеккером о возможности кардинального улучшения отношений между двумя странами. Собеседники согласились, что идеологические разногласия не должны стать камнем преткновения на этом пути [13, с. 28–29]. Беседа состоялась, конечно, не случайно, в тот самый день, когда в Москве заявили о согласии вступить в трехсторонние переговоры с Великобританией и Францией. Визит Мерекалова, состоявшийся сразу после начала англо-франко-советских контактов, должен был продемонстрировать Берлину, что соглашение с западной коалицией не является пределом мечтаний СССР. Тогда же военный атташе СССР в Берлине комкор М.А. Пуркаев имел беседу с представителями верховного командования Вермахта.

Здесь необходимо упомянуть о совещании по вопросам европейской политики СССР, созванном в Кремле 21 апреля. Его материалы до сих пор засекречены; известно только, что под председательством Сталина в нем приняли участие члены комиссии Политбюро по вопросам внешней политики — Молотов, Ворошилов, Микоян и Каганович, а от НКВД — Литвинов, замнаркома Потемкин, полпреды Майский и Мерекалов и от полпредства в Париже — советник представительства Крапивенцев. Персональный состав совещания однозначно указывает, что решался вопрос о том, с ориентацией на кого — союзников или Германию — СССР встретит

новую мировую войну. На появившуюся возможность выбора указывала обнадеживающая беседа полпреда Мерекалова с Вайцзеккером. «Партийную» линию ориентации на Германию отстаивали Молотов и Мерекалов; за «государственную» политику союза с Францией и Великобританией ратовали Литвинов и Майский. Насколько можно судить по косвенным признакам, в итоге совещания Кремль все же дал наркому шанс доказать на деле возможность договориться с западной коалицией. Однако результаты переговоров полпредов в Форин Офис и на Кэ д'Орсе²² показались Москве неудовлетворительными, и выбор ориентации на Берлин стал неизбежным.

— 5 мая: беседа заведующего восточноевропейским сектором отдела экономической политики МИД Германии К.Ю. Шнурре с временным поверенным в делах СССР в Германии Г.А. Астаховым. Шнурре сообщает о положительном решении поставленного ранее полпредством вопроса относительно выполнения советских заказов, размещенных на заводах «Шкода» еще до поглощения Чехии Германией. Астахов заявляет, что усматривает в этом указание на возможность позитивного развития советско-германских отношений, и, в свою очередь, фактически предлагает так же оценивать факты смещения Литвинова и назначения Молотова на пост наркома иностранных дел. [13, с.31].

— 15 мая: статс-секретарь МИД Германии Э. Вайцзеккер просит посланника Болгарии в Берлине П. Драганова быть посредником и передать Астахову, что Германия готова к широкому экономическим и политическим переговорам с СССР [104, с. 366].

— 17 мая: беседа Шнурре с Астаховым об удовлетворении советской просьбы о сохранении торгпредства СССР в Праге и о продолжении действия заключенных ранее с Чехословакией торговых соглашений. Обсуждение общих перспектив советско-германских отношений. Астахов ссылается на Рапалльский договор и ставит под сомнение успех трехсторонних переговоров. Астахов не мог самостоятельно выступить со столь важными политическими заявлениями, тем более

---

²² Набережная р. Сены в Париже, где находится МИД Франции.

противоречащими официальной позиции Кремля. Это было сделано явно по прямому указанию из Москвы в качестве аванса Берлину [13, с. 31—33].

— 20 мая: в ходе беседы с Шуленбургом Молотов заявляет, что для успешного завершения ведущихся экономических переговоров «должна быть создана соответствующая политическая база» [13, с. 34].

— 28 мая: беседа Шуленбурга с Молотовым. Молотов высказывает мнение, что нормализация отношений между двумя странами желательна и возможна. Посол сообщает в Берлин: «Молотов почти что призывал нас к политическому диалогу. Наше предложение о проведении только экономических переговоров не удовлетворило его» [13, с. 34].

— 14 июня: выполняя просьбу Э. Вайцзеккера, П. Драганов в беседе с Астаховым посоветовал затягивать трехсторонние переговоры и выжидать. «Если вас беспокоит появление немцев в Прибалтике, Бессарабии и т.п., — передал посланник сделанные Вайцзеккером авансы, — то по этим вопросам вы сможете с немцами договориться, они охотно пойдут здесь на самый широкий обмен мнениями». Разумеется, Астахов понял, что это «намек на возможность договориться о разделе «сфер влияния» [22, док. № 403]. Уже на следующий день Драганов передал в МИД Германии советский ответ: *если Германия сделает заявление, что не будет нападать на СССР или заключит с ним пакт о ненападении, то Советский Союз не станет подписывать соглашение с Великобританией и Францией* [104, с. 366].

— 29 июня: раздосадованный медленным прогрессом торгово-экономических и политических переговоров, Гитлер приказывает притормозить их с целью шантажа Москвы.

— 1 июля: в беседе замнаркома В.П. Потемкина с Шуленбургом последний настойчиво утверждал о желании Берлина наладить отношения с СССР. В ответ Потемкин призывает Германию продемонстрировать «серьезность и искренность своего стремления улучшить отношения с СССР» [21, с. 516].

— 22 июля: возобновление переговоров о торговле и кредите.

— ночь с 26 на 27 июля: беседа Шнурре с Астаховым относительно скорейшего достижения советско-германского

стратегического согласия. Беседа стала генеральной репетицией начавшихся вскоре переговоров о пакте. Шнурре: «Что может Англия предложить России? Самое большое — участие в европейской войне, вражду с Германией, но ни одной устраивающей Россию цели. С другой стороны, что можем предложить мы? Нейтралитет и невовлечение в возможный европейский конфликт, и, если Москва пожелает, германо-русское понимание относительно взаимных интересов, благодаря которому, как и в былые времена (благословенные времена польских разделов. — *Ред.*), обе страны получают выгоду» [13, с. 38—43]. В Берлине знали, на какую приманку ловить Кремль! Еще 6 октября 1934 г. Политбюро записало в своем решении: «В интересах Советского Союза лежит такой, в конечном счете, неизбежный для «умиротворения», передел Европы, при котором предметом раздела явилась бы Польша»²³ [50, с. 442]. После того, как взаимный зондаж достиг этой стадии и показал, что учет взаимных интересов возможен, «события, — по выражению их участника советника посольства Германии в Москве Г. Хильгера, — обрушились с драматической быстротой и в течение всего нескольких дней привели к заключению договоров, чреватых серьезными последствиями».

— 2 августа: беседа Риббентропа с Астаховым о судьбе Польши и Балтии в контексте советско-германского сближения [13, с. 44—46].

— 3 августа: беседа Молотова с Шуленбургом. Посол подтверждает, что все заявленное Шнурре Астахову соответствует взглядам имперского правительства, говорит об уважении Германией интересов СССР в Балтийском регионе, в Польше и Румынии и высказывает мнение, что «между СССР и Германией не имеется политических противоречий». Молотов приветствует процесс нормализации советско-германских отношений [22, док. № 525].

— 11 августа: принятие Политбюро решения о вступлении в официальные переговоры с немцами.

²³ Следует оговориться, что эта резолюция стала известна в результате «утечки», и ее подлинность на сегодняшний день документально не подтверждена ввиду закрытости архивов.

— 13 августа: состоялась очередная беседа Астахова со Шнурре. Астахов подтверждает заинтересованность СССР в обсуждении поднятых немцами вопросов [13, с. 46—47].

— 14 августа: послание Риббентропа Молотову с предложением о широкоформатных переговорах в ходе его предполагаемого визита в Москву. Молотов предлагает заключить пакт о ненападении или подтвердить договор о нейтралитете 1926 г. «с одновременным подписанием специального протокола», фиксирующего условия советско-германского территориально-политического размежевания в Восточной Европе [13, с. 47—56].

— 16 августа: послание Риббентропа Молотову о согласии имперского правительства на советские предложения, в частности о пакте. Молотов заявляет Шуленбургу о готовности Москвы заключить торгово-экономическое и политическое соглашения с Германией. Дается принципиальное согласие на визит Риббентропа [13, с. 57—61].

— 19 августа: состоялись две беседы Шуленбурга с Молотовым о заключении пакта и сроках визита Риббентропа в Москву [13, с. 64—66].

— 19 августа: подписано торгово-кредитное соглашение между СССР и Германией.

— 21 августа: послание Гитлера Сталину с выражением согласия на советское предложение о пакте: «Заключение пакта о ненападении означает для меня закрепление германской политики на долгий срок. Германия, таким образом, возвращается к политической линии, которая в течение столетий была полезна обоим государствам». Также содержится просьба ускорить прием Риббентропа в Москве [13, с. 70—71].

— 21 августа (спустя 2 часа): ответ Сталина Гитлеру с согласием на приезд Риббентропа 23 августа [13, с. 72—74].

Как видим, «закулисная» активность советской дипломатии по интенсивности и содержательности была исключительной.

Следует иметь в виду, что еще прежде из Москвы в Берлин был послан мощный сигнал об ее истинном отношении к предстоящим переговорам с Лондоном и Парижем. Им стала отставка европейски признанного архитектора системы

коллективной безопасности М.М. Литвинова с поста наркома буквально накануне начала переговоров о создании этой самой системы! Москва демонстративно давала Берлину понять, что рассматривает, как более предпочтительный, вариант советско-германского сближения. Там, конечно, это так и расценили. «Отставка Литвинова явилась решающим шагом, — докладывал Гитлер высшим военным чинам Рейха на совещании 22 августа 1939 г. — После этого я моментально понял, что в Москве отношение к западным державам изменилось» [7, с. 95]. Об этом же говорилось в письме фюрера Б. Муссолини от 25 августа с изложением результатов переговоров в Москве [23, док. № 35].

Надо сказать, что в течение весны в пользу соглашения с СССР за спиной фюрера интриговала целая «промосковская партия». В нее входили второй после Гитлера человек в Рейхе Г. Геринг, глава и статс-секретарь МИД Германии И. Риббентроп и Э. Вайцзеккер, начальник внешней разведки службы безопасности В. Шелленберг, посол В. Шуленбург, высшее командование сухопутных сил Вермахта и военно-морского флота (Кригсмарине), руководство ряда экономических ведомств, промышленники и др. За союз с СССР выступала также значительная часть партийного аппарата, в том числе многие гаулейтеры²⁴.

Всех этих людей объединяло опасение, как бы осторожничающий в отношении сталинских реверансов Гитлер не втянул Германию в войну на два фронта, начав боевые действия против Польши и ее западных союзников, не заручившись предварительно обещанием советского нейтралитета. Экономический блок сторонников «промосковской линии» интересовали, в первую очередь, поставки советского сырья, особенно в случае установления Англией блокады после начала войны на Западе. «Промосковской партией» был разработан т.н. план Шуленбурга. Он предусматривал планомерное улучшение советско-германских отношений путем отказа от враждебной пропаганды друг против друга, развития экономических и культурных связей и, в итоге, заключе-

²⁴ Гаулейтер — руководитель областной партийной организации с широчайшими политическими и административными полномочиями. В разное время их было от 33 до 43 человек.

ние широкого политического соглашения. (Как видим, этот план целенаправленно и методично претворялся в жизнь.) Дело дошло до того, что Геринг в апреле специально выезжал в Рим с целью уговорить Б. Муссолини повлиять на Гитлера в «промосковском» духе. Миссия оказалась успешной, и в мае дуче сообщил Гитлеру, что поддерживает идею достижения договоренности с СССР.

Если в Берлине ликовали по поводу отставки наркома, то в Лондоне и Париже новость произвела тяжелое впечатление. «Смещение Литвинова ознаменовало конец целой эпохи, — писал У. Черчилль. — Оно означало отказ Кремля от всякой веры в пакт безопасности с западными державами и возможность создания Восточного фронта против Германии» [141, с. 166]. И.М. Майский сообщал из Лондона в НКВД: «4 мая, т.е. на другой день после того, как уход т. Литвинова стал известен в Англии, в Форин-офисе царила настоящая паника ... 6-го утром Галифакс счел необходимым совершенно официально меня спросить, остается ли в силе та внешняя политика, которую СССР вел до сих пор» [22, док. № 333]. Определенно, это подталкивало союзников к более активному поиску компромисса с Германией.

Еще одной причиной недостаточного энтузиазма Лондона и Парижа по поводу московских переговоров стали их сомнения в способности СССР оказать им эффективную военную помощь и в том, стоила ли она тех территориально-политических уступок, которыми пришлось бы за нее заплатить. В одном из личных писем, написанном в марте 1939 г., тогдашний премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен высказался на этот счет так: «Я не верю, что она (Россия. — *Ред.*) сможет вести эффективные наступательные действия, даже если захочет» [цит. по: 25, р. 403]. На Западе это было общей и, как показал опыт финской войны, не столь уж далекой от истины точкой зрения на тогдашнюю боеспособность Красной армии. Однако в данном случае значение имело даже не действительное положение дел, а его восприятие лицами, принимавшими политическое решение.

Если в начале переговоров намерения обеих сторон выглядели схожими, то при рассмотрении их в динамике обнаруживаются прямо противоположные тенденции: заинтере-

сованность Москвы в успехе предприятия постоянно падает, а Великобритании и, особенно, Франции — только растет²⁵. Причина ясна: советской дипломатии удалось нащупать почву для сепаратной договоренности с Берлином, а англо-французской — нет. И дело заключалось не в ловкости одной и нерасторопности другой, а в том, что этой «почвой» была Польша. Купить для себя сепаратный «мир» с Германией ценой согласия на уничтожение ею Польского государства мог только СССР.

Таким образом, создание системы коллективной безопасности отнюдь не являлось изначальной целью участников трехсторонних переговоров, а было последним, в смысле желательности, вынужденным средством сдерживания Германии. Коалиция видела оптимальный выход из европейского кризиса 1939 г. в сохранении мира ценой сравнительно малых жертв, вроде удовлетворения требований Гитлера в отношении Данцига (Гданьска), и только если это окажется невозможным, — путем достижения договоренности с СССР. Промежуточным решением было, шантажируя Германию перспективой создания англо-франко-советского альянса, дать ей увязнуть в переговорах с Лондоном и Парижем по польской проблематике до поздней осени, когда по погодным условиям Берлину придется отсрочить нападение на Польшу до следующего года²⁶.

Кремлю же был нужен мир на своих границах и война на западе Европы, что достигалось сепаратным соглашением с Германией; и только если оно окажется невозможным, — собственная безопасность, обеспеченная союзом с англо-французской коалицией. К 20-м числам августа модель советско-германских отношений в условиях грядущей мировой войны была выстроена. Для согласования последних деталей и утверждения всего проекта 23 августа в Москве

---

²⁵ Это явствует из поведения сторон на переговорах: если англо-французская дипломатия идет навстречу советским предложениям практически по всем спорным вопросам, то Москва продолжает выдвигать новые и все более трудно приемлемые требования.

²⁶ По этому поводу Гитлер однажды высказался так: «С сентября по май Польша представляет собой одно большое болото, и никакие военные действия там невозможны».

ждали прибытия министра иностранных дел Германии И. фон Риббентропа.

Пока сохранялась опасность «сесть между двух стульев», т.е. не было твердой уверенности в достижении договоренности с Германией, Кремль продолжал трехсторонние переговоры, тем более что каждый их день удорожал для Гитлера стоимость советского нейтралитета. После того как *политическое* соглашение было практически подготовлено к подписанию, 12 августа начались переговоры *военных* миссий. Ведший их Ворошилов действовал на основании инструкции, данной ему Сталиным еще 7 августа, *т.е. за пять дней до приезда* союзных военных переговорщиков в Москву, *но сразу после того*, как стало понятно, что договор с Германией гарантированно состоится. Инструкция предписывала свести военные переговоры к «тупиковому» вопросу о прохождении советских войск через территорию Польши и на этом основании обречь их на провал [21, с. 584]. А без заключения военной конвенции Москва отказывалась подписывать уже согласованное политическое соглашение о взаимной помощи.

Набивая цену перед Берлином и страхуясь на случай всяких «германских неожиданностей», Кремль имитировал свое заинтересованное участие в переговорах военных миссий до последней возможности — кануна приезда Риббентропа. Теперь же с ними следовало быстро заканчивать, объявив неуспешными ввиду отказа Польши пропускать советские войска, что и было сделано Ворошиловым 22 августа. Сигнал действовать поступил ему в виде записки от заведовавшего секретариатом вождя А. Поскребышева: «Клим, Коба (дореволюционная подпольная кличка Сталина. — *Ред.*) сказал, чтобы ты сворачивал шарманку».

Начиная с августа 1939 г. вот уже более 80 лет ссылка на польский отказ в военном транзите для РККА бездумно воспроизводится как бесспорный и достаточный аргумент в пользу прекращения переговоров с западными державами. За своей давностью он встал, в смысле бесспорности, в ряд с утверждением, что Волга впадает в Каспийское море. Зададимся, однако, нехитрым вопросом, *что* в создаваемом таким образом положении могло не устраивать Кремль? Вышло, что СССР фактически в одностороннем порядке

получал от Великобритании и Франции союзнические гарантии в случае германской агрессии на восток, будучи в то же время освобожденным польским отказом пропустить войска от выполнения встречных обязательств перед Лондоном и Парижем в случае войны на западе. Мол, мы бы и рады повоевать за союзников, да вот Польша не велит!²⁷ При этом надо понимать, что до войны дело, скорее всего, и не дошло бы в результате отрезвляющего воздействия на Гитлера самого факта заключения трехстороннего соглашения о взаимопомощи. Тем самым достигалась главная и первоочередная цель — предотвращение войны, во имя которой якобы Кремлем и велись переговоры.

Сожалеть о польском отказе пропустить советские войска для оказания им помощи должны были бы западные союзники. Они, однако, соглашались на такой формально неэквивалентный обмен гарантиями с СССР, признавая достаточной помощь с его стороны в виде ударов по сухопутным и морским коммуникациям противника, авиационных (против полетов советской авиации Польша не возражала) и морских бомбардировок военных и иных целей, а также поставок вооружений Польше и Румынии. Генштаб РККА еще в 1937 г. называл действия авиации и флота и посылку советских экспедиционных сил для участия в боях на Западном фронте в качестве возможных мер по выполнению Советским Союзом обязательств, вытекавших из его договоров о взаимопомощи с Францией и Чехословакией 1935 г., в случае отказа Польши пропустить части Красной армии через свою территорию²⁸ [36, с. 537]. В конкретных условиях августа 1939 г. все

²⁷ Из беседы Ворошилова с главой французской военной миссии ген. Ж. Думенком 22 августа: «Нам ничего не дает ... кроме тяжелых обязанностей — подвести наши войска и драться с общим противником (на западном фронте. — *Ред.*). Неужели нам нужно выпрашивать, чтобы нам дали право драться с нашим общим врагом!» [22, док. № 591]. Действительно, зачем было его выпрашивать себе в убыток? Это уже какой-то политический мазохизм.

²⁸ Было заявлено, что для выполнения своих обязательств «СССР сможет направить свои войска морским путем на территорию Франции и военно-воздушные силы в Чехословакию и Францию, Размеры этой помощи должны быть определены специальным соглашением между заинтересованными государствами. В этих обоих случаях СССР предоставит помощь военно-морскими силами».

это, однако, было не более чем «играми разума». Все понимали, что после начала войны правительство Польши само запросит советскую помощь, либо еще из Варшавы, либо уже «из Лондона», т.е. будучи правительством в эмиграции. Такого мнения придерживалось, например, британское правительство, рекомендовавшее своей делегации на трехсторонних переговорах действовать так, как если бы польское согласие было уже получено.

Сказанное выше относилось к варианту германского нападения на Францию. Отечественного же читателя больше интересуют последствия польского отказа в случае первоначального наступления Германии на Восточном фронте. В этом случае, надо полагать, польская просьба о помощи поступила бы в Москву еще быстрее, а ввод советских войск на территорию Польши, как санкционированный ею, так и несанкционированный, стал намного проще *политически*. Французское правительство официально заверило СССР, что не будет возражать, если после нападения Германии на Польшу РККА войдет на территорию этой страны, не испрашивая согласия ее правительства. И в самом деле, спустя 25 дней после разрыва переговоров, в сентябре 1939 г., советская армия так и сделала, даже не будучи союзником Польши. Переступили — и не заметили, через «непреодолимое препятствие», от которого 24 днями ранее якобы зависело исторического масштаба решение о месте СССР в мировой войне.

Впрочем, само польское правительство не делало секрета из того, что пока сохранялся мир, его возражения против пропуска советских, равно как иных иностранных войск, были данью общественному мнению и соображениям государственного престижа. Война же неминуемо создавала совершенно новую политическую реальность. 4 апреля польский посол в Москве В. Гжибовский заверил М.М. Литвинова, что «когда нужно будет, Польша обратится за помощью к СССР» [65, док. № 251]. В беседе с заместителем наркома В.П. Потемкиным 10 мая министр иностранных дел Польши Ю. Бек «констатировал необходимость для Польши опереться на СССР в случае нападения на нее Германии» [21, с. 367]. Эту мысль министр повторил 15 июля в беседе с послом Франции Л. Ноэлем. «Он (Бек. — *Ред.*), — сообщал из Варшавы

в МИД французский дипломат, — дал мне понять, что в тот день, когда разразится война, Польша [...] будет занимать лучшую позицию, чем кто бы то ни был, чтобы получить от Москвы согласие на сотрудничество в плане совместных действий» [36, с. 565—566]²⁹. 19 августа министр обещал Ноэлю свое молчаливое согласие на то, чтобы военные миссии союзников действовали на переговорах в Москве «так, как если бы перед поляками не ставилось никакого вопроса», т.е. не было заявлено польских возражений против пропуска войск. В тот самый день начальник польского генерального штаба генерал В. Стахевич уверил Л. Ноэля, что «принцип Пилсудского»³⁰ имел в виду немцев и потеряет значение сразу, как только начнутся боевые действия [22, док. № 573, 574]. Следует также упомянуть, что в конечном счете французам удалось-таки вырвать у польского министра иностранных дел подобие заявления о согласии Польши на военно-техническое сотрудничество с СССР в случае германской агрессии³¹ [22, док. № 597].

Москва же фактически самоустранилась от переговоров с Варшавой о пропуске **своих** войск, перепоручив дело англо-французской дипломатии³². Между тем официальное предупреждение Польши, или даже организованная «утечка информации» о том, какая судьба ей уготована в случае, если своим отказом пропускать войска она вынудит СССР пойти на соглашение с Германией на базе ее 4-го раздела, могли бы стать для польского руководства убедительным аргументом, чтобы изменить свою позицию. В высшей степени странно, что советское руководство «не догадалось» до этого. Конеч-

²⁹ После заключения советско-германского пакта такое обращение стало, разумеется, невозможным.

³⁰ Принцип был выдвинут начальником Польского государства маршалом Ю. Пилсудским и запрещал приглашение иностранных войск на территорию страны.

³¹ В результате этих контактов Варшава позволяла западным участникам трехсторонних переговоров сделать следующее заявление: «Английский и французский штабы уверены, что в случае совместных действий против агрессора сотрудничество между СССР и Польшей в определенных условиях не исключается».

³² В Варшаве это воспринимали как оскорбление. [22, док. № 598].

но, Варшава оставалась крайне трудным партнером и давала повод для критики ее политики — двусмысленной и фанфаронской. Но это не отменяет фальшивый характер ссылки на польский отказ пропускать войска в качестве аргумента, приводимого в оправдание срыва переговоров в той мере, в которой он произошел по инициативе СССР. В конечном счете, стоило ли придавать варшавским дипломатическим пируэтам столь серьезное значение?

Надуманый характер «польского аргумента» Москвы доказывается также совершенно очевидным фактом: вследствие всеми ожидавшегося быстрого разгрома Польши РККА просто не успевала своевременно вмешаться в польско-германскую войну. Такое вмешательство подразумевало продолжительную подготовку штабов и всех уровней армейского командования, а также концентрацию колоссальных сил и средств как людских, так и материальных. Ничего подобного сделано не было, тогда, как германское нападение планировалось на конец августа, в крайнем случае, начало сентября. 22 августа глава французской военной миссии ген. Думенк поинтересовался у Ворошилова: «Если немцы нападут на Польшу, я не думаю, что советские силы могут принять участие в борьбе прежде, чем они закончат свое сосредоточение. Позволяю себе задать маршалу вопрос: в этот момент сможет ли он оказать помощь Польше, в момент, когда нападение случится?» Нарком не нашел, что ответить, и перешел к следующему пункту повестки дня.

Наконец, обходится молчанием факт, что вступить в соприкосновение с Вермахтом РККА могла, пройдя не только польским, но и румынским коридором. В отличие от Польши Румыния была готова его предоставить, о чем ее министр иностранных дел Григоре Гафенку сообщил лидерам Великобритании в ходе бесед весной 1939 г. и о чем полпред Майский сразу же информировал НКВД [21, с. 324; 22, док. № 303]. Это были не просто слова: годом ранее, в преддверии Судетского кризиса, правительство Румынии заявило о согласии предоставить свои железные дороги и воздушное пространство для транзита советских войск в Чехослова-

кию³³. Правительство СССР приняло к сведению заявление, однако от дальнейших переговоров воздержалось. Несмотря на это, уже в дни кризиса румыны молчаливо согласились на высотный перелет через свое воздушное пространство порядка 300 советских военных самолетов, перегоняемых в Чехословакию, и оказывали им техническое содействие в случае вынужденных посадок на их аэродромы. Летом 1939 г. румынское правительство советовало польскому еще раз изучить его позицию по вопросу о допуске советских войск на территорию страны. Даже после заключения пакта Молотова — Риббентропа Румыния дала согласие на транзит англо-французских военных материалов в помощь Польше, а также приняла на своей территории около 100 тысяч отступивших польских военных и гражданских лиц.

Ни малейшего желания разговаривать со страной, неоднократно, ясно и до последней возможности демонстрировавшей, несмотря на германскую угрозу, готовность принять участие в коллективных усилиях по обузданию Берлина, Кремль и уже молотовский НКВД *почему-то* не проявили.

В конечном счете, насколько уместна вообще постановка вопроса в жанре «или-или»? Или скорое всех устраивавшее трехстороннее соглашение, или советско-германские договоренности, причем в соответствии с графиком, — обязательно до 23 августа! — установленным Гитлером. Разве не стало бы большим вкладом в дело сохранения европейского мира, — следовательно, и обеспечения безопасности СССР, — простое продолжение англо-франко-советских переговоров с сохранением перспективы создания единого антигитлеровского фронта? Еще месяц-полтора переговоров — и осенняя распутица обеспечила бы как минимум на полгода Польше гарантию от германского нападения³⁴, а Европе — сохранения

---

³³ На самом деле, Бухарест был готов к проходу советских войск через румынскую территорию без его формального согласия, т.к. речь шла о помощи союзной ему Чехословакии.

³⁴ В отличие от политической дорогостоящей советской, «небесная помощь» обходилась Варшаве бесплатно, что могло быть одним из объяснений ее выжидательной позиции. Также имеются сведения, что в Польше рассчитывали на скорое покушение на жизнь фюрера. Его успех кардинальным образом менял ситуацию. Однако было авантюрой поставить судьбу страны на две столь неверные карты.

мира, лучше всех международных коалиций. Если все же Германия рискнула бы напасть на Польшу, то поскольку трехстороннее политическое соглашение было подготовлено, его официальное подписание могло состояться незамедлительно. Тогда становилось вероятным желательное, но вовсе не обязательное обращение Варшавы за помощью к СССР и, ввиду создания *реального* Восточного фронта, переход англо-французской коалиции в наступление на Западном фронте.

Этот умозрительный вариант *modus operandi*³⁵ хорош всем, кроме одного: он не соответствовал, точнее, противоречил истинным намерениям Сталина.

Так закончился предвоенный турнир по международно-политическим шахматам с участием СССР, англо-французской коалиции и Германии, на котором каждый из участников давал сеанс одновременной игры на двух досках. Как показала История, победителей в турнире не было — по большому счету проиграли все. Однако и Берлин, и Кремль, каждый из них считал, что именно он одержал крупнейшую внешнеполитическую победу, и готовился получить главный приз.

---

³⁵ Образ действий (лат.).

Глава 2. Договор

Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом

Правительство СССР и Правительство Германии, руководствуясь желанием укрепления дела мира между СССР и Германией и исходя из основных положений договора о нейтралитете, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 г., пришли к следующему соглашению:

Статья I.

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются воздержаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами.

Статья II.

В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу.

Статья III.

Правительства обеих Договаривающихся Сторон останутся в будущем в контакте друг с другом для консультации, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы.

Статья IV.

Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой Договаривающейся Стороны.

Статья V.

В случае возникновения споров или конфликтов между Договаривающимися Сторонами по вопросам того или иного рода, обе стороны будут разрешать эти споры или конфликты исключительно мирным путем в порядке дружественного об-

мена мнениями или в нужных случаях путем создания комиссий по урегулированию конфликта.

Статья VI.

Настоящий договор заключается сроком на десять лет с тем, что поскольку одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует его за год до истечения срока, срок действия договора будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья VII.

Настоящий договор подлежит ратифицированию в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в Берлине. Договор вступает в силу немедленно после его подписания.

Составлен в двух оригиналах на немецком и русском языках, в Москве, 23 августа 1939 года.

Москва, 23 августа 1939 г.

По уполномочию Правительства СССР

В. Молотов

За Германское Правительство

И. Риббентроп

Убаюкивающий пацифизм, источаемый названием договора — «о ненападении», не должен настраивать на благостный лад. Достаточно вчитаться в преамбулу, чтобы возникло сомнение в миролюбии участников пакта. Они мотивировали его подписание «желанием укрепления дела мира между СССР и Германией». И только! Эта цель никак не вписана в задачу сохранения общеевропейского мира. Как раз наоборот. Стороны авансом давали друг другу индульгенцию и обещали безопасный тыл и, самое малое, благожелательный нейтралитет даже в случае нападения одной из них на третьи страны. Этот случай в слегка завуалированном виде прописан в статье 2: ведь напав на Польшу, Германия, разумеется, *в ответ* стала «объектом военных действий» с ее стороны.

Понятен поэтому отказ авторов текста договора от классических для подобного рода документов терминов «агрес-

сор» и «жертва агрессии». Сотрудники договорно-правового отдела НКВД, видимо, хорошо изучили теоретическое наследие своего недавнего шефа М.М. Литвинова. Выступая в сентябре 1935 г. на Ассамблее Лиги Наций он заявил: «Не всякий договор о ненападении имеет целью укрепление всеобщего мира. В то время как пакты о ненападении, заключенные Советским Союзом со своими соседями, имеют особую оговорку о недействительности пактов в случае совершения агрессии одной из сторон против любого третьего государства, мы знаем и другие пакты, отнюдь не случайно такой оговорки лишённые. *Это значит, что государства, обеспечившие себе тыл или фланг подобным пактом о ненападении, резервируют себе возможность безнаказанного нападения на третьи государства. Теории подобных пактов сопутствует другая — о локализации войны. Но кто говорит — локализация войны, имеет в виду свободу войны, легализацию войны. Двусторонний пакт должен обеспечить этим людям безопасность и легализацию агрессии. Мы имеем, таким образом, две точно очерченные концепции: с одной стороны — безопасность народов, с другой — безопасность агрессии*» (курсив автора. — *Ред.*) [26, с. 510—511]. Сказано как будто о пакте от 23 августа!

Политические наблюдатели обратили внимание и на ст. 3 договора, явно избыточную для соглашения о ненападении и наделяющую его чертами договора о военно-политическом союзе. В Лондоне и Париже это породило серьезные подозрения в фактическом создании такого союза.

Неотъемлемой частью договора был секретный протокол.

Секретный дополнительный протокол

При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке разграничение сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва) северная граница Литвы

одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению к Виленской области признаются обеими сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана³⁶. Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития. Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

3. Касательно юго-восточной Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете.

Москва, 23 августа 1939 г.

По уполномочию Правительства СССР

В. Молотов

За Германское Правительство

И. Риббентроп

Впервые рецепт избавления Германии от проклятия войны на два фронта, наложенного на нее географией и русско-французским военно-политическим союзом декабря 1893 г., предложил в 1905 г. начальник германского генерального штаба генерал Альфред фон Шлиффен. Возможность возникла в связи с тем, что на осуществление всеобщей мобилизации России требовалось 105–120 дней³⁷, тогда как Германии — всего

³⁶ Эта граница относилась к СССР всю восточную Польшу, включая не только западную Украину и западную Белоруссию, но также Люблинское (целиком) и Варшавское (частично) воеводства.

³⁷ К 1914 г. благодаря развитию железнодорожной сети и ряду организационно-технических мероприятий эти сроки были сокращены до 45 дней (90 дней для дальневосточных корпусов).

15. Полученную фору в 90—105 дней Берлин рассчитывал использовать для скорейшего сокрушения Франции. *На время войны с Францией германское военное командование было готово полностью оголить свой восточный фланг ради усиления западной группировки войск и отвести армии за Вислу, сдав — временно! — русским всю восточную Пруссию с Кенигсбергом, а также прочие территории.* Предполагалось, что, разгромив Францию, войска успеют вернуться на восток еще прежде, чем Россия завершит мобилизацию. Реализованный в ходе Великой войны, этот замысел был в миллиметре от успеха. Только преждевременное — в смысле не проведенных до конца мобилизационных приготовлений — наступление русской армии, спровоцировавшее кайзера на переброску части войск обратно на Восточный фронт, т.е. фактически на отказ от плана Шлиффена, спасло тогда союзников от разгрома.

Сделанное немцами в 1939 г. предложение являлось, по существу, близнецом этого плана, его дипломатической реинкарнацией. Прежней оставалась цель: избежать войны на два фронта и бить своих противников поодиночке. «Впервые за последние 67 лет можно констатировать, что нам не придется вести войну на два фронта. Наступили такие условия, о которых мечтали с 1870 года», — заявил Гитлер на военном совещании 23 ноября 1939 г. [34, с. 77—78]. Прежней оставалась и цена, которую Берлин был готов заплатить за осуществление этих планов: временный — и только временный! — уход Германии из восточной Европы и сдача ее Кремлю. Однако по сравнению со взятым им за основу «планом Шлиффена», «план Гитлера» имел два важных преимущества. Во-первых, из противника Германии восточная держава была обращена в нейтральное государство со всеми вытекавшими из этого благоприятными для Рейха военными, политическими и экономическими последствиями³⁸. Во-вторых, территориальные уступки, на которые Берлину пришлось пойти, не затрагивали собственно германских земель. «Гитлер начал борьбу мирового масштаба, — писал Троцкий в 1940 г. — [...] Обеспечить свою

³⁸ На деле статус СССР в начавшейся вскоре войне был даже ближе к статусу «невоюющий союзник» Германии, поскольку им не соблюдались требования к поведению нейтральных стран на суше и на море, предъявляемые Гаагскими конвенциями о нейтралитете 1907 г.

восточную границу накануне такой войны являлось для Гитлера вопросом жизни и смерти. Он заплатил за это Кремлю частями бывшей царской империи». «Неужели это дорогая плата?» — вопрошал Троцкий, комментируя советско-германский пакт [135, с. 153]. Действительно, Сталин сильно продешевил: в директивах фюрера на переговоры Риббентроп уполномочивался заявить «о германской незаинтересованности в территориях Юго-Восточной Европы — вплоть до Константинополя и Проливов, если бы это было необходимо». «Последнее, однако, не обсуждалось», — напоминал рейхсминистр в подготовленной для фюрера записке [23, док. № 109].

Впрочем, для Гитлера и, в несколько меньшей мере, для Сталина вся эта территориальная «мелочевка» мало что значила в сравнении с решаемой **стратегической задачей по созданию условий для нападения Германии на Польшу и, следом, начала войны на западе Европы**. Договорившись о визите Риббентропа в СССР, Москва и Берлин по существу авансом поставили свои «виртуальные подписи» под еще не изложенным на бумаге и согласованным только в этом главном пункте договором. По воспоминаниям рейхсминистра, он впервые набросал проект судьбоносного соглашения, подписывать которое летел в Москву, уже находясь в самолете. «Во время обсуждения в Кремле это оказалось полезным, — вспоминал Риббентроп, — поскольку русские никакого текста его заранее не подготовили»³⁹ [12, с. 140]. Гитлер же, даже не дожидаясь приземления самолета Риббентропа на аэродроме Тушино, отдал приказ о нападении на Польшу через четыре дня, в 4.30 утра 26 августа.

Имея приоритетный интерес к стратегической составляющей пакта, Сталин и не думал упускать случая взять с Гитлера отступного за даруемый ему советский нейтралитет в виде согласия Берлина на территориально-политические уступки Кремлю в Восточной Европе и Балтии. На Нюрнбергском процессе Риббентроп свидетельствовал, что по приезде

---

³⁹ Вероятно, Риббентроп говорит о тексте секретного протокола. Степень пренебрежения к формальной стороне вопроса была просто изумительной: когда и в русском, и в немецком текстах уже официально подписанного договора обнаружили орфографические ошибки и пропуск слова, их просто исправили от руки!

в Москву ему с порога было заявлено, что если размер отступного окажется недостаточным, он может сразу вылетать назад в Берлин [32, с. 137]. Шантажируя Гитлера угрозой отправить рейхсминистра из Москвы с пустыми руками, Сталин, конечно, блефовал, чтобы выдрать с берлинской овцы лишний клочок шерсти. Ему самому пакт был нужен не меньше, чем фюреру. Договорившись о главном, Сталин и Гитлер исключали возможность срыва переговоров из-за разногласий по «мелким» территориальным вопросам. Допустить провал переговоров и предстать перед западной коалицией стратегическими банкротами ни Москва, ни Берлин просто не могли себе позволить.

Более того, по существу решался вопрос о *raison d'être*⁴⁰ обоих режимов. Гитлеровского — поскольку идеи реванша и завоевания «жизненного пространства» для германской нации, под знаменем которых он пришел к власти, могли быть реализованы исключительно на путях агрессии. Пока же Германия, половина государственного бюджета которой тратилась на армию, стояла на пороге финансово-экономического коллапса, и избежать его, по мнению Гитлера, было невозможно «без вторжения в иностранные государства или захвата иноземного имущества» [цит. по: 22, док. № 371]. Сталинского — поскольку поставленная им на дыбы страна не могла находиться в таком положении неопределенно долгое время, а политическая и идеологическая демобилизация была чревата для него серьезными угрозами. Ведь именно подготовкой к войне оправдывались ужасы «первоначального социалистического накопления» в форме ограбления крестьянства, низведения до нищенского уровня жизни городского населения и эксплуатации рабского труда многомиллионной армии заключенных.

Наряду с перечисленными выше практическими интересами, которыми руководствовались лидеры Москвы и Берлина, заключая августовский договор, в его основу легли и их более общие мировоззренческие ценности. Пакту-39 от его «дедушки» — Рапалльского договора, похоже, передались

---

⁴⁰ Смысл, оправдание существования (фр.).

некоторые присущие тому наследственные признаки, в том числе, по выражению немецкого историка Х. Таммермана, «и определенная *основополагающая*, имевшая социокультурную подоплеку антизападная направленность» [цит. по: 28, с. 41]. Для Гитлера политический Запад был олицетворением плутократии; Сталин видел там только «зажравшихся господ» [36, с. 616]. Психотипические особенности двух диктаторов, действительно, не могли не наложить личную печать на политику находившихся в их подчинении стран.

В советском случае к сказанному выше можно добавить, что речь шла даже не столько о Сталине лично, сколько о *коллективном сталине* — режиме, который самоидентифицировался путем противостояния окружающему капиталистическому миру. Это противостояние было его важнейшей идеологической опорой, под которую сама мысль о братстве по оружию с буржуазно-демократическим классовым врагом закладывала мину замедленного действия. Именно поэтому одной из главных идеологических задач режима после 1945 г. было вытравить те чувства дружбы и благодарности по отношению к союзным странам и их народам, которые возникли у советских людей в ходе совместной с ними борьбы против фашизма.

Четыре часа, которых сторонам хватило, чтобы решить судьбу Восточной Европы, Балтии и Румынии, говорят о том, сколь малое значение на фоне решаемых стратегических задач они придавали территориальному вопросу⁴¹. «Риббентропу дано указание, — докладывал Гитлер на совещании с командованием Вермахта 22 августа, — делать любое предложение и принимать любое требование русских» [7, с. 96]. В результате темп переговоров поразил самого рейхсминистра: «За немногие часы моего пребывания в Москве было достигнуто такое соглашение, о каком я при своем отъезде из Берлина и помыс-

---

⁴¹ Для сравнения можно напомнить, что позднее, когда первоочередные стратегические задачи сторон уже были решены, потребовались семь месяцев трудных переговоров для того, чтобы договориться об оставлении за СССР занятого его войсками, но «принадлежавшего», согласно пакта-39, Германии, небольшого кусочка пограничной территории в районе литовского г. Сувалки, причем на условиях его выкупа Советским Союзом за значительную сумму золотом.

лить не мог...» [12, с. 142—143]. По исчислению Молотова, судьбы целых стран и народов решались на этих переговорах с рекордной для того времени скоростью передвижения 650 км/час [36, с. 615]. Едва успел рейхсминистр вернуться домой, как из Москвы поступила просьба скорректировать в пользу СССР линию размежевания в районе г. Белосток. Гитлер моментально соглашается, и 28 августа соответствующее разъяснение к секретному протоколу было подписано.

Однако вскоре Кремль обнаружил, что второпях допустил куда более серьезную, стратегического характера ошибку в части советско-германского размежевания на территории Польши. В Москве пришли к заключению, что политически неудобно и даже опасно передвигать границу так далеко на запад, оставляя на советской стороне исконно польские земли. Было ясно, что Великобритания и Франция никогда не признают этого захвата. А они ведь могли оказаться победителями в предстоявшей войне на Западе и, следовательно, доминирующими державами в послевоенной Европе, ссориться с которыми Москве было просто опасно. Кроме того, она получала постоянный источник польского сопротивления. Да и с международно-правовой и пропагандистской точек зрения оправдать эту аннексию было бы невозможно.

В силу названных причин в Кремле решили (и это стало единственным разумным действием во всей истории с фактом) отказаться в пользу Германии от этнически польских территорий Люблинского и Варшавского воеводств, правда, потребовав взамен Литву. Соответствующее предложение было сделано Сталиным и Молотовым через посла Шуленбурга 25 сентября. Берлин не обрадовался такому предложению, но не возражал. Новый договор, получивший название «О дружбе и границе», был подписан в Москве 28 сентября 1939 г. Во изменение августовских договоренностей линия советско-германского территориального размежевания в Польше отодвигалась на восток, приблизительно до т.н. линии Керзона⁴². Взамен Литва стала считаться входящей в сферу интересов СССР.

---

⁴² О «линии Керзона» см. ниже.

Договор о дружбе и границе

Правительство СССР и Германское правительство после распада бывшего Польского государства рассматривают исключительно как свою задачу восстановить мир и порядок на этой территории и обеспечить народам, живущим там, мирное существование, соответствующее их национальным особенностям. С этой целью они пришли к соглашению в следующем:

Статья I.

Правительство СССР и Германское правительство устанавливают в качестве границы между обоюдными государственными интересами на территории бывшего Польского государства линию, которая нанесена на прилагаемую при сем карту, и более подробно будет описана в дополнительном протоколе.

Статья II.

Обе Стороны признают установленную в статье I границу обоюдных государственных интересов окончательной и устранят всякое вмешательство третьих держав в это решение.

Статья III.

Необходимое государственное переустройство на территории западнее указанной в статье линии производит Германское правительство, на территории восточнее этой линии — Правительство СССР.

Статья IV.

Правительство СССР и Германское правительство рассматривают вышеприведенное переустройство как надежный фундамент для дальнейшего развития дружественных отношений между своими народами.

Статья V.

Этот договор подлежит ратификации. Обмен ратификационными грамотами должен произойти возможно скорее в Берлине.

Договор вступает в силу с момента его подписания.
Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках.

Москва, 28 сентября 1939 года.
По уполномочию Правительства СССР
В. Молотов
За Правительство Германии
И. Риббентроп

Доверительный протокол
к «Германо-советскому договору о дружбе
и границе между СССР и Германией»

Правительство СССР не будет препятствовать немецким гражданам и другим лицам германского происхождения, проживающим в сферах его интересов, если они будут иметь желание переселиться в Германию или в сферы германских интересов. Оно согласно, что это переселение будет проводиться уполномоченными Германского Правительства в согласии с компетентными местными властями и что при этом не будут затронуты имущественные права переселенцев.

Соответствующее обязательство принимает на себя Германское Правительство относительно лиц украинского или белорусского происхождения, проживающих в сферах его интересов.

Москва 28 сентября, 1939 г.
По уполномочию Правительства СССР
В. Молотов
За Германское Правительство
И. Риббентроп

Секретный дополнительный протокол

Нижеподписавшиеся Уполномоченные при заключении советско-германского договора о границе и дружбе, констатировали свое согласие в следующем:

Обе Стороны не допустят на своих территориях никакой польской агитации, которая действует на территорию другой страны. Они ликвидируют зародыши подобной агитации на

своих территориях и будут информировать друг друга о целесообразных для этого мероприятиях.

Москва, 28 сентября 1939 г.
По уполномочию Правительства СССР
В. Молотов
За Германское Правительство
И. Риббентрон

Секретный дополнительный протокол

Нижеподписавшиеся Уполномоченные при заключении советско-германского договора о границе и дружбе констатируют согласие Германского Правительства и Правительства СССР в следующем:

Подписанный 23 августа 1939 г. секретный дополнительный протокол изменяется в пункте I таким образом, что территория литовского государства включается в сферу интересов СССР, так как с другой стороны Люблинское воеводство и части Варшавского воеводства включаются в сферу интересов Германии (см. карту к подписанному сегодня договору о дружбе и границе между СССР и Германией). Как только Правительство СССР предпримет на литовской территории особые меры для охраны своих интересов, то с целью простого и естественного проведения границы настоящая германо-литовская граница исправляется так, что литовская территория, которая лежит к юго-западу от линии, указанной на карте, отходит к Германии.

Далее констатируется, что находящиеся в силе хозяйственные соглашения между Германией и Литвой не должны быть нарушены указанными выше мероприятиями Советского Союза.

Москва, 28 сентября 1939 г.
По уполномочию Правительства СССР
В. Молотов
За Германское Правительство
И. Риббентрон

Необходимо отметить, что помимо публично-правового и секретного существовал еще один уровень советско-германских соглашений — устный. На этом уровне были решены вопросы о темпе и международных условиях реализации Советским Союзом его «прав» в отношении стран Балтии и Бессарабии, указанных в секретных протоколах. Инициатором соглашений, которые в иных, более уместных случаях называются «джентльменскими», был И. Риббентроп. Рейхсминистр обратился к Сталину со слегка завуалированной просьбой повременить с советизацией балтийских стран и акцией по возвращению Бессарабии, сославшись на то, что это нарушит торгово-экономические отношения Рейха с указанными странами и Румынией [36, с. 608, 611, 614].

В качестве ответа Сталин поделился с Риббентропом планами советского правительства в отношении Прибалтики и Бессарабии, из чего стало видно, что германские пожелания будут учтены. Конкретно, советизация государств Балтии откладывалась на потом; пока же их внутреннее устройство сохранялось без изменений. В отношении Бессарабии стороны сошлись на том, что «в настоящее время советское правительство не располагает намерением трогать Румынию», однако оно заявит о своих интересах в случае изменения ситуации на Балканах из-за каких-либо действий Венгрии против Румынии [там же]. Хотя с формально-правовой точки зрения изложение собственных намерений нельзя считать принятием на себя обязательств, рассуждая *политически*, в какой-то мере обязывающим сталинский ответ все же был. В дальнейшем это отразилось на поведении СССР в Прибалтике и его отношениях с Румынией и Венгрией.

«Решающая игра»

И Сталин, и Гитлер понимали, в сколь рискованную игру они ввязываются. Однако каждый из них надеялся перехитрить партнера. «Кажется, нам удалось провести их», — заявил Сталин соратникам после подписания пакта. Гитлер в радостном исступлении стучал кулаком по стене и кричал, что «теперь весь мир — у меня в кармане!» [цит. по: 7, с. 60]. Разумеется, ни для Гитлера, ни для Сталина истинные цели

«партнера» не представляли никакой тайны. Эта игра в политический покер велась с открытыми картами.

В итоге, как того и опасался М.М. Литвинов, фюрер переиграл Сталина по всем статьям, начиная с самого решения заключить договор. Гитлер рассчитывал с его помощью добиться ликвидации польского государства и быстрой победы над западной коалицией, в результате чего Германия неизмеримо улучшит свое стратегическое положение, а также экономически обогатится за счет военной добычи — и оказался прав. Сталин же, напротив, строил расчет на затяжную кампанию, которая истощит человеческий, экономический и политический ресурсы Германии — и катастрофически ошибся. В Кремле не сумели по-настоящему отрешиться от опыта сугубо позиционной Первой мировой войны, которая велась ее участниками главным образом на истощение сил противника. То, чего кайзеровской армии не удалось достичь за четыре года непрерывных боев, потеряв два с половиной миллиона солдат убитыми и ранеными и разорив до нитки страну, Вермахт добился за полтора месяца ценой относительно малой крови. Столь блестящей победы мир еще не видел.

В итоге ставка, сделанная Кремлем на этот замысел, оказалась битой. Вместо истощения ресурсов Германия значительно нарастила их объем, заполучив в качестве военной добычи людской, промышленный, финансовый и военный потенциал сразу нескольких развитых европейских стран. Вместо ожидавшегося Москвой социального взрыва на почве трудностей военного времени в результате побед германского оружия произошла небывалая консолидация режима, а авторитет Гитлера в народе и армии вознесся до небес. Последнее имело для СССР особо печальные последствия, поскольку положило конец «генеральской фронде» Гитлеру и превратило Вермахт в послушное орудие реализации нацистской партийной программы во внешней политике. По свидетельству помощника (заместителя) германского военного атташе в Москве полковника Г. Кребса, после победы Гитлера в споре с осторожничающим генералитетом относительно возможности быстрого успеха западной кампании не осталось желающих отговаривать его от нападения на СССР [56, с. 398—399]. Традиционный для военной касты

сверхосторожный бисмарковский подход к вопросу о войне с Россией оказался отброшенным в сторону. В международном плане головокружительный военно-политический триумф Германии вознес ее на пьедестал вершителя судеб Европы и позволил принять на себя роль покровителя малых стран и арбитра в их многочисленных спорах друг с другом.

После заключения пакта политическое искусство состояло в том, чтобы выжать из международной ситуации, создаваемой им, максимум выгод, а затем в подходящий момент первым ударить по «заклятому партнеру». И здесь Гитлер полностью обставил Сталина. Во-первых, главной жертвой блицкрига на западе стала Франция — наиболее склонная к союзу с СССР держава. Во-вторых, свобода рук в отношении стран Восточной Европы и Балтии, которой «берлинский данаец» одарил Сталина за советский нейтралитет, оказалась, по сути, коварной провокацией, поссорившей СССР практически со всеми соседями, от Финляндии до Ирана, и вынудившей их искать защиты все у того же Берлина. И, наконец, завершающий акт, — нанесение опережающего удара по рапальскому партнеру, — также остался за Гитлером.

В том-то и была «беда» пакта, что положенный Кремлем в его основу стратегический расчет оказался в корне неверным, а предпринятые им, исходя из этого расчета, практические мероприятия 1939 — первой половины 1941 гг. — строго контрпродуктивными. Стремление официальной историографии скрыть неудобную правду об истинной цели этого провалившегося проекта и, одновременно, представить успешными его промежуточные результаты, делают эту миссию в принципе невыполнимой.

Мнимое величие

Между тем многим авторам, пишущим о пакте, удается усмотреть какой-то «рост международного авторитета» СССР в результате этой сделки, выразившийся якобы в признании его прав и интересов в Восточной Европе. Вопрос только в том, признание кем? Третьим рейхом — преступным государством, преступные руководители которого будут преданы позорной казни через повешение, если только не успеют по-

кончить жизнь самоубийством? Государством, которое всего через несколько лет само будет стерто с политической карты Европы? Невелико достижение! Да и это «признание» продлилось не очень долго — один год и десять месяцев. Чтобы выкупить у Сталина право на агрессию, Берлин позволил ему потешиться ролью военно-политического Калифа всея Восточной Европы на час, точнее, на год и девять месяцев. «Эти «выгоды», — писал по горячим следам пакта-39 Троцкий о территориальных и политических уступках Германии, — имеют в лучшем случае конъюнктурный характер, и их единственной гарантией является подпись Риббентропа под «клочком бумаги» [141, с. 145]. Так и случилось. 22 июня «великая держава» Гитлера отказала СССР в праве не только на присоединенные территории, но даже на само его существование.

С учетом исхода Второй мировой войны единственно значимым стал бы акт признания произошедших территориально-политических изменений будущими союзными СССР державами-победительницами — Великобританией и США и ведомой ими мировой антигитлеровской коалицией. Однако они провозгласили, как общий, принцип непризнания любых таких изменений, если они имели место уже после начала войны, т.е. после 1 сентября 1939 г. Все советские приобретения, подаренные пактом Молотова — Риббентропа, попадали в этот разряд. Историк Д.Г. Наджаров справедливо замечает, что «груз нелегитимности» соглашений с фашистской Германией постоянно довлел над Кремлем [28, с. 53]. Когда возникла необходимость заручиться англо-американской поддержкой в войне против Гитлера, чтобы получить ее, Сталину пришлось высечь самого себя, присоединившись к Атлантической хартии Рузвельта и Черчилля, отвергавшей насильственные территориальные изменения и провозглашавшей право народов на свободное определение своей судьбы⁴³.

Прежде всего ничтожными с международно-правовой точки зрения были договоренности между СССР и Германией по вопросу о линии размежевания двух государств на

⁴³ Провозглашена британским премьер-министром У. Черчиллем и президентом США Ф.Д. Рузвельтом 14 августа 1941 г. Излагала принципы послевоенного устройства мира. СССР присоединился к Хартии 24 сентября 1941 г.

польской территории. Советское правительство само признало этот факт уже 30 июля 1941 г. в т.н. соглашении Сикорского — Майского⁴⁴. Собственно, против самой этой линии весьма предусмотрительно, как отмечалось выше, срисованной Кремлем с «линии Керзона», ни в Лондоне, ни в Париже в 1939—1940 гг. отнюдь не возражали, поскольку сами предлагали ее Польше и советской России еще в 1919 г. и хотели бы к ней вернуться сейчас. Еще даже до присоединения СССР к англо-американскому антигитлеровскому альянсу польское эмигрантское правительство ставилось союзниками в известность, что о включении в будущую восстановленную Польшу областей, отошедших к СССР, и речи быть не может. Как съезвил в одном из донесений в НКВД И. Майский, министром иностранных дел Великобритании Галифаксом в этой связи Сикорскому была прочитана «длинная лекция о прелестях «линии Керзона» [36, с. 329, 335]. Из Парижа Суриц писал в НКВД 30 сентября 1939 г.: «О восстановлении прежней (в смысле границ. — *Ред.*) Польши никто серьезно, по-видимому, уже не думает». Также он передал мнение одного видного эксперта по международному праву, что «если подходить под углом этническим, [...] то СССР ни в каком разделе Польши не участвовал» [36, с. 143]. Отказ в признании советско-германских договоренностей был вызван исключительно насильственным неправовым способом решения вопроса. Настоящее международное признание новая советско-польская граница, — фактически присоединение к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии, — получит на Ялтинской конференции руководителей СССР, США и Великобритании в феврале 1945 г., в ходе которой советское правительство заявило о согласии установить послевоенную границу с Польшей по «линии Керзона» с небольшими отклонениями местами в пользу СССР, местами — Польши⁴⁵.

⁴⁴ «Соглашение о восстановлении дипломатических отношений между СССР и правительством Польской Республики в изгнании» — подписано премьер-министром этого правительства В. Сикорским и послом СССР в Великобритании И.М. Майским. Ст. 1 Соглашения гласила: «Правительство СССР признает советско-германские договоры 1939 года касательно территориальных перемен в Польше утратившими силу» [31, с. 200].

⁴⁵ «Линия Керзона» — линия советско-польского размежевания, рекомендованная Верховным советом Антанты в декабре 1919 г. Базировалась на

Признание Европой и США изменений в Прибалтике де-факто стало платой Советскому Союзу не за пакт Молотова — Риббентропа, а за его огромный вклад в разгром Третьего рейха, однако в признании де-юре было отказано. Признание де-юре территориальных изменений в пользу СССР, произошедших в Румынии и Финляндии, стало их наказанием: Румынии — за участие в войне на стороне Германии; Финляндии — за пособничество Германии в войне против стран антигитлеровской коалиции, в том числе за продолжение боевых действий против СССР и оккупацию советских территорий за пределами границы 1939 г.⁴⁶ Эти изменения были зафиксированы в мирных договорах, заключенных странами-победительницами с поверженными противниками после окончания войны.

Накачанный ядовитым нацистским газом, раздувшийся было пузырь мнимого авторитета СССР взорвется 22 июня, оставив по себе одни лохмотья, которые, однако, продолжают отравлять международные отношения в Восточной Европе и Балтийском регионе вплоть до нынешнего дня.

«Слагаемые Победы»?

История трехсторонних переговоров и заключения пакта-39 позволяет утверждать, что летом 1939 г. Сталин был меньше всего озабочен обеспечением безопасности СССР традиционными методами вроде поиска союзников для совместного противодействия германской агрессии. Подмена

принципе нераздельного проживания народа в рамках одного государства. 11 июля 1920 г. линия была предложена британским министром иностранных дел лордом Керзоном советскому и польскому правительствам. В ситуации наступления Красной армии на Варшаву предложением не воспользовались. Существовавшая в 1939 г. граница была установлена после окончания советско-польской войны мирным договором 1921 г. и оставляла за Польшей западные части Украины и Белоруссии. Через 24 года в Ялте У. Черчилль возобновил предложение Керзона, и на сей раз оно было принято.

⁴⁶ Действия Финляндии лета-осени 1941 г. по возвращению территорий, уступленных ею Советскому Союзу по итогам Зимней войны, до границы 1939 г., в Лондоне и Вашингтоне не считали агрессией в силу упомянутого выше принципа непризнания насильственного изменения границ. Подробнее об этом см. гл. 5.

Кремлем государственных интересов СССР в области внешней безопасности эгоистическими интересами режима, им противоречащими, имела результатом немислимое извращение самих основ международных отношений и внешней политики: естественные, хотя и неудобные, союзники фактически низводятся до статуса противников, а единственный реальный враг возводится в ранг квазисоюзника! Заведующий отделом печати НКВД Е.А. Гнедин много позже назовет советско-германский договор с замечательной глубиной и меткостью «*нереальным*», указав тем самым на его фантазмагорический характер.

Некоторые же комментаторы истории, напротив, находят повод для особой национальной гордости как раз в циничном практицизме, как им кажется, действий Кремля. Однако воинствующий цинизм, с которым был заключен договор 23 августа, еще не есть достаточное условие, чтобы отнести его к великой традиции *Realpolitik*. Эта политика подразумевает, прежде всего, трезвую оценку собственных интересов и возможностей и тщательный расчет сальдо между получаемыми выгодами и ожидаемыми издержками, причем не только сиюминутными и материальными. С учетом этих критериев пакт-39 к *реалполитик* не имеет ни малейшего отношения. Геополитический мезальянс 23 августа обернулся для обоих участников после очень короткого «медового месяца» стратегической западней, выбраться из которой — в военном отношении — СССР смог только ценой ужасающих жертв⁴⁷, а Германии это так и не удалось.

Официальная пропаганда и апологетическая историография между тем прилагают титанические усилия, чтобы убедить нас в правильности решения о заключении пакта, создавшего якобы предпосылки победы СССР над Германией. Главный довод состоит в том, что благодаря ему удалось отсрочить германское нападение на полтора года и, таким образом, лучше подготовиться к войне.

Если отвлечься от вопроса, почему такое нападение вообще стало возможно (иначе нам пришлось бы повторить все

---

⁴⁷ В морально-политическом отношении сделать это в обозримом будущем не удастся.

сказанное ранее), и ограничиться ситуацией осени 1939 г., то совершенно очевидно, что нападать на СССР у Германии тогда не было ни малейшего намерения⁴⁸, да и ни малейшей возможности. Достаточно указать на отсутствие общей границы между двумя странами. (Согласно известному историческому анекдоту Наполеону, в подобных случаях, никаких дополнительных аргументов не требовалось.) Попытка нападения через польскую территорию ввергло бы Германию в войну на двух фронтах — западном и восточном, одновременно против трех великих держав, а также Польши и Румынии (с последней в силу франко-румынского и польско-румынского договоров о взаимопомощи). Возможность осознанного выбора Германией этого самоубийственного пути никем в Европе, включая самого Гитлера, даже не рассматривалась, иначе в августе он не ползал бы перед Кремлем на коленях, вымаливая у него безопасность восточного фланга Рейха. Для Сталина это тоже было прописной истиной, и именно поэтому он с видом хозяина положения диктовал немцам условия в августе 39-го. Так что «бороться за отсрочку» даже не планировавшегося нападения вряд ли имело смысл.

Не предполагало германскую агрессию и соотношение сил: 126 дивизий у СССР и только 51 — у Германии; 21 тыс. танков у СССР (14544, не считая устаревшие Т-27 и легкие плавающие Т-37/38) и только 3,4 тыс. — у Германии; 12,5 тысяч самолетов у СССР и только 4,3 тыс. — у Германии, 56 тыс. орудий и минометов у СССР и только 30 тыс. — у Германии и т.д. [16, с. 83]. По оценке одного из руководителей Вермахта генерала В. Варлимонта, германская армия никогда не была так плохо подготовлена к войне, как в 1939 г., ввиду нехватки вооружения и отсутствия необходимых резервов личного состава [11, с. 55]. «Никакой длительной войны мы вести не можем», —

⁴⁸ Все планы, разрабатывавшиеся германским генеральным штабом в 1935—1939 гг., начиная с первого плана «Рот», предусматривали нанесение основного удара по Франции, хотя постепенно на место главной политической цели этой войны все больше выдвигалась задача поражения Великобритании. «Проблему Польши нельзя отделить от войны против Запада [...] Англия — наш враг, и борьба с ней будет вестись не на жизнь, а на смерть [...] Нашей целью есть и будет поставить Англию на колени», — заявил Гитлер на совещании с командованием Вермахта 23 мая 1939 г. [цит. по: 27, с. 520, 522]. Как видим, СССР им даже не упоминался.

признал Гитлер в ходе совещания с генералитетом 22 августа 1939 г. [7, с. 95]. Действительно, боеприпасов у Вермахта едва хватило, чтобы довести до конца быстротечную польскую кампанию. А война с Советским Союзом *по определению* грозила стать длительной, с учетом размеров театра военных действий и призывного контингента, масштабов военного производства и т.д. С другой стороны, превосходство СССР в численности войск и количестве боевой техники над Германией, Францией, Великобританией и США, даже вместе взятыми, никогда не было так велико, как в 1939 г.

Наконец, ожидать нападения Германии на СССР поздней осенью 1939 г. после победы над Польшей не приходилось даже просто по погодным условиям: стратегия *блицкрига* сразу бы забуксовала на раскисших дорогах и занесенных снегом полях, а другой стратегии у Вермахта для СССР не было и быть не могло! В неизмеримо более комфортных с точки зрения погоды и транспортной инфраструктуры условиях Западной Европы Гитлер 29 раз переносил дату начала кампании против Франции ввиду неблагоприятных для наступления метеосводок. Про эти реальные практические обстоятельства дела могут не знать доверчивые читатели исторических опусов невежд и пропагандистов, но Кремлю и в Генштабе они были хорошо известны.

Рассуждения о судьбоносном значении пакта как документа, якобы притормозившего германскую агрессию на восток, вообще лишены смысла, поскольку на 23 августа 1939 г. между СССР и Германией **уже действовал Договор о нейтралитете**. Как указывалось выше, подписанный в Берлине в 1926 г. договор в апреле 1933 г. с согласия А. Гитлера был продлен на неопределенно долгий срок с правом денонсации при условии предупреждения за один год. Кроме того, вплоть до 22 июня 1941 г. сохраняла силу советско-германская Конвенция о согласительной процедуре, обязывавшая стороны прибегать исключительно к ненасильственным способам урегулирования спорных вопросов между ними. Таким образом, договорные гарантии ненападения от Гитлера у Сталина имелись и до визита Риббентропа.

Напротив, заключение пакта-39 разрушило всю систему договоров в сфере безопасности, создававшуюся советской дипломатией в течение двух десятилетий.

Приведем список нарушенных СССР, т.е. фактически разорванных в одностороннем порядке договоров и соглашений:

1. Советско-французский договор о ненападении 1932 г.
2. Советско-французский договор о взаимной помощи 1935 г.
3. Советско-польский (Рижский) мирный договор 1921 г.
4. Советско-польский договор о ненападении 1932 г.
5. Советско-финляндский (Тартуский) мирный договор 1920 г.
6. Советско-финляндский договор о ненападении и мирном улаживании конфликтов 1932 г.
7. Советско-литовский мирный договор 1920 г.
8. Советско-литовский договор о взаимном ненападении и нейтралитете 1926 г. и его пролонгации 1931 и 1934 гг.
9. Советско-эстонский Тартуский (Юрьевский) мирный договор 1920 г.
10. Советско-эстонский договор о ненападении 1932 г.
11. Советско-латвийский мирный договор 1920 г.
12. Советско-латвийский договор о ненападении и мирном разрешении конфликтов 1932 г.

Кроме того, были нарушены соглашения, подписанные в развитие и уточнение отдельных положений перечисленных договоров, и мирные обязательства, взятые на себя СССР в силу решений Лиги Наций. Заключенный пакт выхолостил смысл из советско-турецкого договора о дружбе и нейтралитете 1925 г. Советско-германские договоренности августа-сентября 1939 г. также означали, что СССР не собирался честно выполнять пакты о взаимопомощи, заключенные им позже с Литвой, Латвией и Эстонией, в центральном их пункте об уважении независимости и территориальной целостности трех стран. Весь наработанный советской дипломатией за десятилетия корпус договоров в сфере внешней безопасности был выкинут на помойку ради договоренности Сталин — Гитлер.

Историю вопроса, перевернутую сталинскими фальсификаторами с ног на голову, пора вернуть в нормальное поло-

жение и сказать, что не Сталину, а Гитлеру надо было опасаться нападения партнера по Рапалло. На 23 августа роли распределялись именно таким образом. Неслучайно Гитлер отказался от первоначально витавшей идеи зафиксировать новое советско-германское взаимопонимание путем простого «омоложения» Договора 1926 г. [13, с. 38, 55, 60]. Дело в том, что по нему советская гарантия нейтралитета могла быть отозвана в самый день нападения Германии на Польшу, поскольку ее предоставление одной из сторон обуславливалось в статье 2 договора «миролюбивым образом действий» другой⁴⁹. Чтобы воодушевить Германию на агрессию, пришлось подписать новый договор, не содержащий этой «досадной» оговорки. И все последующие 22 месяца, вплоть до дня 22 июня, «меня, — признавался Гитлер, — вечно терзал кошмар, что Сталин может проявить инициативу раньше меня» [цит. по: 18, с. 49]. Борьба за «отсрочку» неминуемого советско-германского столкновения должна была стать — и на деле стала! — уделом Берлина, а не Москвы⁵⁰.

В действительности вместо «спасения отечества» от мифической в то время германской угрозы заключение пакта, точнее, вновь расцветшее на его рапалльском фундаменте сотрудничество Берлина и Москвы, имело для СССР смертельно опасный побочный эффект. Теснейшая координация действий двух стран на международной арене, а также поставки стратегического сырья из СССР и через его территорию в Германию дали Лондону и Парижу веские основания рассматривать Советский Союз как **невоюющего союзника** Берлина. На протяжении зимы-весны 1940 г. отношения СССР с упомянутыми державами приблизились к критической черте, чреватой возникновением вооруженного конфликта⁵¹. Случись такое, и вступление СССР в войну на стороне «сил Зла» было бы неизбежным.

Другой аспект вопроса об «отсрочке»: кто лучше сумел воспользоваться ее временем для наращивания своего военного, экономического и внешнеполитического потенциала —

⁴⁹ Кстати, включенной в 1926 г. в документ по настоянию советской стороны вопреки возражениям немецкой.

⁵⁰ Подробнее об этом см. гл. 7.

⁵¹ Об этом см. ниже.

СССР или Германия? Однако для официозной историографии такого вопроса просто не существует, как будто эти полтора года к войне готовился один Советский Союз, а чем занималась Германия — непонятно. Между тем для начала достаточно напомнить, что в качестве военной добычи Германии достались трудовые ресурсы, финансово-промышленные активы, запасы сырья и продовольствия, а также вооружения 11 развитых европейских государств. В речи, произнесенной на станции метро «Маяковская» 6 ноября 1941 г., Сталин назвал эти трофеи и обретенный Вермахтом опыт ведения современной войны главными причинами побед германского оружия летом-осенью 1941 г. Конечно, таким образом он пытался скрыть истинную главную причину разгрома Красной армии, но доля правды в его утверждении все же имелась. Успешными оказались и собственные мероприятия имперского правительства по созданию боеспособной армии и развитию военной промышленности.

В результате за время пресловутой «отсрочки» **Германии удалось сократить свое отставание от СССР** в военной области. Если летом 1939 г. соотношение численности сухопутных войск Германии и СССР составляло приблизительно 1:3, то к 22 июня 1941 г. оно уменьшилось до показателя 1:1,5, т.е. в два раза! В наиглавнейших для германской военной промышленности вопросах обеспеченности сырьем и рабочей силой результаты 1939—1941 гг. таковы: за счет ограбления оккупированных стран и прорыва с советской помощью экономической блокады запасы угля увеличились в 2 раза, железной руды — в 7,7 раза, медной руды — в 3,2 раза, зерна — в 4 раза, а нефти — в 20 раз. За счет использования рабочей силы оккупированных стран удалось в основном решить острейшую для германского народного хозяйства проблему нехватки рабочих рук при одновременном увеличении числа призванных в армию. «Неоспоримым является и то, — пишет историк Р. Медведев, — что Германия лучше использовала эту отсрочку, чем Советский Союз. Она наращивала свою военную мощь и военно-промышленный потенциал в 1939—1940 гг. быстрее, чем СССР» [107, с. 151]. Действительно, с этим не поспоришь.

Общий итог таков: если в 1939 г. Вермахту едва хватило ресурсов довести до победного конца войну против Польши, то после окончания «отсрочки» Рейх четыре года воевал со всем миром. Кроме того, в 1940—1941 гг. методами умелой дипломатии Германии удалось подключить к нападению на Советский Союз Финляндию, Венгрию и Румынию, что еще больше изменило соотношение сил в ее пользу.

Стоит помнить, что термин «отсрочка» был изобретен сторонниками Мюнхена и должен был доказать правильность решения о капитуляции перед Гитлером. В результате той «отсрочки» Германия, для которой армия небольшой Чехословакии представляла тогда серьезную проблему, а «танковые лавины» которой не смогли доехать до Вены по шоссе в результате многочисленных поломок, превратилась в 1940 г. в триумфатора, поставившего на колени Францию и изгнавшего с континента Британию. Вторая «отсрочка» закончилась тем, что стоит за цифрами 22.06.41.

В числе «слагаемых Победы» называют также увеличение глубины стратегической обороны за счет присоединения Прибалтики и переноса государственных рубежей СССР на пару сотен километров дальше на запад в Польше. Однако это просто не могло быть целью заключения пакта, т.к. ни советская военная доктрина, ни уставы Красной армии, ни директивы Наркомата обороны и генштаба РККА 1939—1941 гг. вообще не рассматривали стратегическую оборону, не говоря уже о стратегическом отступлении, в качестве возможного вида боевых действий⁵². Нам могут возразить: пускай стратегическая оборона, а тем более отступление не планировались, но стали фактом; так что увеличение глубины обороны на пару сотен километров очень даже пригодилось в 1941 г. А в действительности? Посмотрим на результаты операции по переносу границ и сравним с заплаченной за это ценой.

Выдвижение советских войск на неосвоенные в инженерном отношении и политически негостеприимные присоеди-

---

⁵²«Необходимейшим условием для успешного отражения нападения и последующего перехода в наступление была организация стратегической обороны на Западном театре. Однако такой вариант действий, к сожалению, не предусматривался», — отмечает военный историк И.П. Макар [138, с. 5].

ненные территории соседних государств повлекло за собой значительное снижение их боеготовности. Обычным делом было отсутствие в новых местах дислокации частей РККА казарм, бань, медпунктов, стрельбищ, танкодромов и т.д., что серьезно затрудняло организацию боевой учебы и отдыха личного состава. Тяжелыми были и морально-политические последствия. Красноармейская масса не отождествляла оборону занятых рубежей и территорий с защитой Родины и после начала войны под германским ударом быстро покати́лась назад, создавая обстановку всеобщей паники и неразберихи. В результате Вермахт прошел присоединенную территорию Белоруссии и вышел на старую границу **на третий (!) из 1418 дней** Великой Отечественной войны. **Совершенно бесполезными** в войне с Германией оказались советские завоевания в Финляндии⁵³. Фактически превратились в ловушки для базировавшихся там кораблей Балтийского флота порты Эстонии. На оккупацию Литвы и Латвии у немцев ушла **неделя**. О каких «слагаемых Победы» можно говорить?!

Чем сомнительнее с точки зрения укрепления обороноспособности выглядят советские приобретения 1939—1940 гг. в Польше, Румынии и на Балтике, тем чудовищнее представляется заплаченная за них цена. Бессарабия и Северная Буковина стоили Советскому Союзу нападения Румынии, в котором в 1941—1944 гг. приняло участие порядка миллиона ее солдат. Приблизительно столько же солдат на фронт выставила и Венгрия, что было побочным эффектом все той же бессарабской истории. В ответ на советизацию Латвии, Литвы и Эстонии Кремль получил участие 200 тысяч граждан этих стран в вооруженных формированиях Германии. Платой за попытку «обеспечить безопасность северо-западного региона СССР» путем завоеваний в Финляндии стали две кровопролитные войны с ней (1939—1940 и 1941—1944 гг.). В целом, из 2000 км Восточного фронта летом 1941 г. 1200 км удерживались Финляндией, Румынией и Венгрией. Это позволило Вермахту сконцентрировать свои силы на центральном московском направлении и, создав тем самым превосходство в силах и средствах, добиться здесь феноменальных побед.

⁵³ См.: наст. работа, гл. 5.

Относительно утверждения о том, что заключение пакта-39 привело к отказу Японии от одновременного с немецким нападением на СССР, можно сказать следующее. Конечно, конъюнктурное примирение Берлина с Москвой нанесло тяжелый удар по военно-политическому сотрудничеству Германии и Японии в рамках «Антикоминтерновского пакта». Однако к 22 июня 1941 г. Токио мог бы утешиться заключенным 27 сентября 1940 г. Берлинским договором о тройственном союзе между Германией, Италией и Японией. То, что второй — дальневосточный фронт так и не был открыт, стало результатом замены восточного вектора японской экспансии на южный, в сторону Филиппин, Сингапура, Бирмы и пр. Остается гадать, в какой мере эта замена объясняется «предательством» Германии, в какой — победой японского флота в политической борьбе с сухопутной армией, а в какой — поражением японских войск на Халхин-Голе в ходе операции, запланированной задолго и начатой за несколько дней до подписания советско-германского договора. Также необходимо учитывать факт появления после образования антигитлеровской коалиции у СССР на Дальнем Востоке мощного союзника в лице США.

Итак, никаких видимых следов практического укрепления обороноспособности СССР перед лицом ожидавшейся германской агрессии не обнаруживается. Более того, результат оказался прямо противоположным. А иначе не могло и быть, поскольку пакт Молотова — Риббентропа подписывался не под оборону от германского нападения, а под поход РККА в Европу. И если взглянуть на ситуацию под этим углом, то тогда основные военно-политические мероприятия СССР 1939 — первой половины 1941 гг., оказавшиеся в действительности абсолютно контрпродуктивными, обретают смысл. Так, ликвидация польского буфера между Германией и СССР из величайшей геополитической ошибки превращается в удачно выполненную операцию по устранению главного препятствия на пути Красной армии в Европу, причем чужими германскими руками. В 1920 г. это препятствие оказалось непреодолимым для РККА. Теперь же Германия бралась сама разрубить «польский узел», причем ценой столь желаемого Москвой вступления в войну с западной коалицией!

Становится понятным и значение переноса границ, а вернее, выдвижения советских войск на запад на 150—250 км. Во-первых, в масштабах Восточной и Центральной Европы эти километры являлись значительной частью пути на Бухарест, Будапешт, Краков и далее — на Вену и Берлин. Во-вторых, в тылу советских войск, т.е. уже преодоленными, оказывались приграничные укрепления Польши и Румынии, например, тогда еще польская Брестская крепость. Этим создавались особо благоприятные условия для быстрого развертывания советского стратегического наступления на запад. Контроль над Литвой, Латвией, Эстонией и Финляндией выводил Красную армию на границу Восточной Пруссии и превращал восточную Балтику во внутреннее море СССР. Присоединение Бессарабии и Буковины означало обретение плацдарма для последующего завоевания Балкан.

Коротко говоря, Сталин все же подготовился к войне, но совершенно другой, им придуманной, а не к той, которая начнется на рассвете 22 июня. Для того чтобы скрыть действительный замысел Кремля на войну и факт его провала, **адвокаты Кремля пытаются подогнать задним числом пакт Молотова — Риббентропа под ситуацию 22 июня 1941 г.**, на которую он вовсе не был рассчитан, продолжая бубнить что-то невразумительное про отсрочку и километры. На фоне грандиозного кремлевского замысла «похищения Европы» это столь же нелепо, как спорить о том, удобно или нет забивать гвозди микроскопом (что, в принципе, возможно), забывая о его истинном предназначении. Масштаб сталинского замысла на предстоящую войну был таков, что изучать его надо по глобусу, а не по карте-стометровке в лейтенантском планшете...

* * *

На данном рубеже поиски тайных смыслов и скрытых пружин сталинской дипломатии 1939 г. по общему правилу заканчиваются. Грандиозным замыслом установления на всем континенте *pax sovietica* исчерпывались, казалось бы, все возможные цели Кремля в его лихорадочной внешнеполитической деятельности весны-лета 1939 г. Но так ли это?